КАТКОВ.

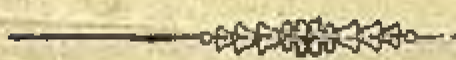
О ПУШКИНЕ.

М. Н. Катковъ

о

ПУШКИНѢ.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая
по случаю празднованія
столѣтія со дня рожденія Пушкина.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

М. Н. Катковъ

о

ПУШКИНѢ.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая

по случаю празднованія

столѣтія со дня рожденія Пушкина.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 22 января 1900 года.

1839 г.

Отзывъ иностранца о Пушкинѣ.*)

Отъ переводчика.

Нашъ великій поэтъ нашелъ, наконецъ, себѣ отзывъ въ сердцѣ Германіи—въ Пруссіи. Чье сердце не забьется сладкимъ восторгомъ и мужественною гордостью, кто истинно-Русскій не заплачетъ при слѣдующихъ строкахъ извѣстнаго германскаго біографа и критика? По крайней мѣрѣ, въ нашей жизни было мало такихъ вдохновенныхъ чувствованій, какъ при этомъ благородномъ, при этомъ германскомъ отзывѣ на голосъ нашего Пушкина, нашего великаго Пушкина, въ которомъ жило и которымъ проявилось все лучшее нашей жизни... Всѣ минуты высокаго наслажденія, дарованныя Пушкинымъ и разсѣянныя въ жизни пишущаго эти строки, собрались и сосредоточились въ эту свѣтлую, въ эту несравненную минуту... Еще подъ ея наитіемъ, еще когда сердце не остыло отъ сладкаго чувства, рука чертитъ мертвыя буквы... Пушкинъ! Мы такъ мало оцѣнили тебя, такъ мало сдѣлали для твоей славы!

Вспомнимъ, чѣмъ привѣтствовали поэта при его жизни наши аристархи. Съ жалкою важностью разбирали они его созданія, или съ приторною улыбкой оскорбительной снисходительности похваливали ихъ, приговаривая, что Пушкинъ поэтъ, хорошій поэтъ. Горько было среди нихъ питомцу боговъ; одинъ исходъ оста-

*) Эта статья была напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ за 1839 г., т. IV.

вался ему: затвориться въ самомъ себѣ и отказаться отъ сладкой надежды на отзывъ тѣхъ, для кого онъ жилъ и дѣйствовалъ. И онъ затворился въ себѣ, онъ отказался отъ этой надежды. Помните ли, что̀ говоритъ онъ въ своемъ чудномъ сонетѣ къ поэту? Иногда, и то очень рѣдко, прорывался голосъ истиннаго чувства, но голосъ одного чувства, чувства не облеченнаго въ броню мысли, слабъ; онъ не въ силахъ выговаривать членораздѣльныхъ звуковъ; онъ служилъ только признакомъ, что грудь переполнена наслажденіемъ, и не могъ произнести оцѣнки тому, что переполняло эту грудь. Слово чувства—междометіе.

Теперь нѣтъ Пушкина! Кто не видалъ Пушкина, не увидитъ его! Но въ душахъ избранныхъ хранится, какъ святыня, созерцаніе духовнаго лика поэта. Къ этимъ-то избраннымъ душамъ обращаемъ мы рѣчь свою и оставляемъ въ покоѣ тѣхъ, которые еще коснѣютъ въ наивной увѣренности, что Пушкинъ былъ не больше, какъ поэтъ ограниченной эпохи, долженствующій исчезнуть вмѣстѣ съ нею. Въ ихъ созерцаніи не живетъ духовный образъ Пушкина, а въ комъ не живетъ этотъ образъ, съ тѣми у насъ нѣтъ ничего общаго, съ тѣми мы не будемъ тратить словъ по пустому.

Смѣшно бы, можетъ быть, показалось многимъ, если бы мы сказали, что Пушкинъ—поэтъ всемірный, стоящій на ряду съ тѣми немногими, на которыхъ съ благоговѣніемъ взираетъ цѣлое человѣчество. Имъ было бы смѣшно, а отчего было бы имъ смѣшно? Что, если мы скажемъ имъ, что сейчасъ сказали, отъ лица иностранца, чуждаго всякаго пристрастія, иностранца, который судитъ о Россіи и объ ея явленіяхъ не какъ членъ народа, а какъ членъ цѣлаго человѣчества, что скажутъ они тогда? Не окажется ли тогда, что своею насмѣшкой они смѣялись надъ самими собою?

Мы твердо убѣждены и ясно сознаемъ, что Пушкинъ

поэтъ не одной какой-нибудь эпохи, а поэтъ цѣлаго человѣчества, не одной какой-нибудь страны, а цѣлаго міра; не лазаретный поэтъ, какъ думаютъ многіе, не поэтъ страданія, но великій поэтъ блаженства и внутренней гармоніи. Онъ не убоялся низойти въ самые сокровенные тайники русской души... Глубока душа русская! Нужна гигантская мощь, чтобы изслѣдить ее. Пушкинъ изслѣдилъ ее и побѣдоносно вышелъ изъ нея, и извлекъ съ собою на свѣтъ все затаенное, все темное, крывшееся въ ней... Какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ.

Германцы опередили насъ въ оцѣнкѣ нашего Пушкина! Но дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ, дай Богъ, чтобы мы почувствовали, наконецъ, въ себѣ силы къ самобытной и самосозидательной умственной дѣятельности. Этой сладкой надеждой мы заключаемъ наше краткое введеніе въ статью Варнгагена-фонъ-Энзе, статью, въ которой мы слышимъ какъ бы изъ другого міра звучащій въ привѣтъ Россіи и ея великому поэту голосъ самого Гегеля *).

М. Катковъ.

Еще недавно ранняя смерть русскаго поэта Пушкина возбудила всеобщее горестное участіе, которое даже и тамъ, гдѣ Пушкинъ не былъ непосредственно знакомъ какъ художникъ, даже и тамъ не замедлило обнаружиться всеобщимъ участіемъ. Что онъ былъ поэтъ,—это было принято тогда на слово, на вѣру; однакожъ, вдохновеніе, съ какимъ превозносили его соотечественники, единодушное признаніе, которое талантъ его нашелъ у нихъ, и глубокое чувство, съ

*) Журналъ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik былъ основанъ Гегелемъ; въ то время журналъ издавался учениками Гегеля.

какимъ его поэзія принята всѣми классами народа, служатъ несомнѣннымъ ручательствомъ за его художническое достоинство. Кто бы изъ насъ, Нѣмцевъ, могъ судить объ этомъ явленіи, объ этомъ чудѣ, явившемся въ той странѣ сѣвернаго неба, которая закрыта отъ нашего взора, странѣ, къ которой едва ли даже могъ обращаться этотъ взоръ? Мы, которые славимся ревностію, смысломъ, силою въ изученіи всѣхъ народовъ и языковъ самыхъ древнихъ, самыхъ темныхъ, самыхъ отдѣльныхъ, мы, которые не обходимъ ни одного предмета, доступнаго для духовнаго постиженія и обрабатыванія, мы такъ мало до сихъ поръ сдѣлали для того, чтобы духовно сблизиться съ Славянами, во всѣхъ отношеніяхъ такъ высоко важными, съ племенемъ рядомъ съ нами живущимъ, переплетшимся съ вѣтвями нашего племени.

Главная задача состоитъ въ изученіи русскаго языка, и какъ ни велика трудность этого предпріятія, можетъ быть, ни одинъ языкъ не вознаградитъ богаче за труды изученія. Мы должны здѣсь отбросить много предразсудковъ. Русскій языкъ, самый богатый и самый могучій изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, можетъ состязаться съ самыми образованными языками нынѣшней Европы. Богатствомъ словъ онъ превосходитъ языки романскіе, богатствомъ формъ—языки тевтонскіе, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи способенъ къ дальнѣйшему развитію, которое означить теперь невозможно. Въ благозвучіи, силѣ и нѣжности русскій языкъ не уступитъ ни одному сѣверному языку и можетъ даже состязаться съ южными. Онъ соединяетъ обиліе согласныхъ, которыми давимся мы, произнося наши нѣмецкія слова, съ полнотою гласныхъ, въ которыхъ расплывается языкъ итальянскій. Вслѣдствіе этого, въ немъ каждый звукъ сохраняетъ всю полноту свою, всю индивидуальность своего выраженія, и онъ способенъ на все подъ рукою мастера.

Его просодическія и метрическія начала имѣютъ въ основаніи и направленіи много общаго съ нѣмецкими; предлагая самыя полнозвучныя риѳмы, русскій языкъ подчиняется самой строгой, самой отчетливой просодіи. Припомнимъ, что русскій, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ, суть единственные языки, на которые Иліада переведена гекзаметрами, и что нѣмецкій переводчикъ Данта долженъ позавидовать прекраснымъ терцинамъ, которыми Шевыревъ перевелъ надпись надъ вратами ада. Мелодію и прелесть стиховъ Жуковскаго слышитъ даже чуждое ухо, въ которое вливаются только одни звуки.

Если въ такомъ языкѣ проснется поэзія, то надобно ожидать великихъ явленій. Хотя безъ поэзіи не живетъ ни одинъ народъ, хотя ни одинъ языкъ ни въ какое время не существуетъ безъ нея, однакожъ, здѣсь не должно упускать изъ вида важнаго различія. И до Агамемнона были герои, но они все-таки были ниже его славою, если бъ даже ихъ имена, ихъ подвиги сохранились въ потомствѣ. Русскіе давно еще могли хвалиться своимъ Ломоносовымъ, своимъ Державинымъ и многими; но русская поэзія еще не пробилась въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ поэтовъ. Мы можемъ видѣть на себѣ, какъ долго можетъ замедляться развитіе этого цвѣтка, при роскошномъ процвѣтаніи другихъ сторонъ народной жизни; наша поэзія со вчерашняго дня; до Гете и Шиллера Нѣмцы не имѣли поэта-выразителя ихъ совокупнаго образованія во всей его цѣлости. Естественная поэзія (Naturpoesie) народа соединяется въ произведеніяхъ поэта съ художнически-усвоеннымъ содержаніемъ всеобщаго, всемірнаго прогресса, на которое каждая нація имѣетъ свое право, котораго часть развиваетъ она своею жизнію и которое сопроникается въ поэтѣ съ ея народностью.

Такая поэзія въ послѣднее время пробилась на свѣтъ у Русскихъ, и ея чистѣйшее, могущественнѣйшее выраженіе есть Пушкинъ. Изъ многочисленныхъ,

разнообразныхъ рядовъ предшественниковъ и послѣдователей, группирующихся вокругъ него, возвышается его величавая глава; всѣ они объемлются имъ, всѣ они находятся въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ есть выраженіе всей полноты русской жизни, и потому онъ національенъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Русскіе сами, по скромности и осторожности, нерѣдко называютъ Пушкина подражателемъ (о, если бы только по одной скромности и осторожности! замѣчаетъ въ прим. М. Н. Катковъ). Но они ужъ слишкомъ далеко простерли эту скромность, или эту осторожность. То же самое было говорено о лордѣ Байронѣ. Его поэзія часто может показаться подражаніемъ и, однакожъ, въ ней нѣтъ ни сколько подражанія и, однакожъ, она вся вышла изъ его собственнаго духа. Какъ океанъ есть общій резервуаръ, въ который сливаются рѣки всѣхъ странъ, такъ точно запасъ духовнаго богатства, скопленный вѣками, есть общее достояніе, которымъ всякій можетъ пользоваться, изъ котораго всякій можетъ черпать и усвоивать себѣ все, что ему нужно.

Что Пушкинъ есть поэтъ оригинальный, поэтъ самобытный, это непосредственно явствуетъ изъ впечатлѣнія, производимаго его поэзіей. Онъ могъ заимствовать внѣшнія формы, но жизнь, вызванная имъ, жизнь совершенно новая. Если онъ напоминаетъ Байрона, Шиллера, даже Виланда, далѣе—Шекспира и Аріоста, то это указываетъ только, съ кѣмъ можно его сравнивать, а не отъ кого должно его производить. Съ Байрономъ онъ рѣшительно принадлежитъ къ одной эпохѣ и даже, можно сказать, съ Шиллеромъ, сколько позволятъ допустить это нѣкоторыя существенныя измѣненія, происшедшія со времени Шиллера во внѣшнемъ состояніи жизни. Самый внутренній міръ, раскрывшійся въ духѣ поэта, зиждется большею частью на тѣхъ же основаніяхъ, какія мы видимъ у этихъ поэтовъ; въ немъ та же противоположность и раздоръ

мечты съ дѣйствительностью, та же тоска, то же полное сомнѣній уныніе, та же печаль по утраченномъ и грусть по недостижимомъ счастіи, та же разорванность и величественная, великодушная преданность,—всѣ эти качества, особенно преобладающія въ Байронѣ. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его отъ нихъ, состоитъ въ томъ, что онъ живымъ образомъ слилъ всѣ исчисленныя нами качества съ ихъ рѣшительною противоположностью, именно: съ свѣжею духовною гармоніей, которая, какъ яркое сіяніе солнца, просвѣчиваетъ сквозь его поэзію и всегда, при самыхъ мрачныхъ ощущеніяхъ, при самомъ страшномъ отчаяніи, подаетъ надежду и утѣшеніе. Въ *гармоніи*, въ этомъ направленіи къ мощному и дѣйствительному, укрѣпляющемъ сердце, вселяющемъ мужество въ духъ, мы можемъ сравнить его съ Гете.

Истинная поэзія есть радость и утѣшеніе, и для того, чтобы точно быть этимъ, она нисходитъ до всѣхъ страданій и горестей. Укрѣпляющую, живительную силу Пушкина испытаетъ на себѣ всякій, кто будетъ читать его созданія. Его геній столь же способенъ къ комическому и шутливому, сколько къ трагическому и патетическому; особенно же склоненъ онъ къ ироническому, которое часто переходитъ у него въ юморъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Свѣтлая гармонія, бодрое мужество составляютъ основу его поэзіи, основу, по которой всѣ другія его свойства пробѣгаютъ какъ тѣни или, лучше сказать, какъ оттѣнки. Его характеру вполнѣ равновѣсно его выраженіе: вездѣ быстрая краткость, вездѣ свѣжій, совершенно самостоятельный, сосредоточенный образъ, яркая молнія духа, рѣзкій оборотъ. Мало поэтовъ, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изыскашаго, растянутаго, всякаго con amore набираемаго хлама. Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая и быстро отпускающая

каждый предметъ; его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты и величія; его то кроткое, то горькое остроуміе, все соединяется для того, чтобы произвесть самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духѣ безпрерывно-занятаго и безпрерывно-свободнаго, ни минуты не мучимаго читателя.

Для русскаго это впечатлѣніе тѣмъ могущественнѣе, что проникаетъ также въ его національное существо и пробуждаетъ въ немъ всю полноту жизни его отечества, его народа. Созданія Пушкина всѣ полны Россіею, Россіею во всѣхъ ея направленіяхъ и видахъ. Мы ближе разберемъ значеніе того, что сейчасъ нами сказано, и посмотримъ, какъ національность Пушкина была выгодна для его поэзіи. Всякій поэтъ, который не теряется въ идеальныхъ общностяхъ, выговариваетъ болѣе или менѣе жизнь своего народа, характеръ своей страны, и во всякомъ случаѣ качество этой жизни и этого характера имѣетъ сильное вліяніе на его поэзію. Но почти всегда кругъ, очерчиваемый имъ, тѣсенъ; изъ этого круга почти всегда выходитъ только нѣчто одностороннее, нѣчто однообразное.

Байронъ избѣжалъ этой тѣсноты, прибавивъ къ англійскому испанское, нѣмецкое, итальянское и греческое; но онъ обогатилъ свою поэзію не иначе, какъ безпрерывными своими путешествіями. Если Гете умѣлъ, сверхъ нѣмецкихъ элементовъ, включить въ свою поэзію элементы славянскіе и восточные, то это удалось ему только вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій его жизни и по особенной могучести его духа. Но русскому поэту все это разнообразіе разрозненныхъ пространствомъ и духовно-различныхъ элементовъ дается уже само собою; все это уже онъ находитъ въ своемъ національномъ кругу. Ему равно доступны, равно родственны югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченность, древнее и новѣйшее; изображая самые различные предметы, онъ изображаетъ предметы оте-

чественные. Величина и могущество Россіи, объемъ и содержаніе русской имперіи имѣютъ въ этомъ отношеніи самое благотворное вліяніе; мы можемъ отсюда видѣть, въ какомъ внутреннемъ соотношеніи съ государствомъ живетъ поэзія. Состоя изъ тѣхъ же самыхъ основныхъ стихій, какія дѣлаютъ государство могущественнымъ, поэзія развивается извнутри наружу (von innen her). Пушкинъ, владѣя мощными силами, вполнѣ воспользовался выгодою своей національности, вполнѣ осуществилъ ее. Созерцая самыя противоположныя изображаемыя имъ состоянія, чувствуешь, что они всѣ равно принадлежатъ поэту, что онъ на всѣхъ нихъ имѣетъ равныя права; они его, они—русскія. Мы можемъ здѣсь, выражаясь собственными словами поэта, сказать:

От финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
От потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая.

вездѣ—въ мірѣ сельскихъ нравовъ и въ блестящемъ модномъ свѣтѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ и подъ сѣнію цыганской кущи, вездѣ онъ на своей родной почвѣ и вездѣ на этой почвѣ даетъ отпрыски его поэзія. Дѣйствительно, весь этотъ богатый міръ, во всемъ его объемѣ, Пушкинъ претворилъ въ поэтическое созерцаніе.

Евгеній Онѣгинъ.

Это произведеніе, которому дала матеріалъ нынѣшняя дѣйствительность, романтическіе образцы внѣшнюю форму, покрой, а высокій творческій геній духовное содержаніе и внутреннюю форму,—нашло, какъ вѣрное зеркало русской жизни, самый живой пріемъ. Почти нѣтъ ни одного уголка въ огромной имперіи,

куда бы не проникнулъ «Онѣгинъ», по крайней мѣрѣ въ видѣ изреченій, поговорокъ, намековъ на ежедневную жизнь. Такой пріемъ отъ цѣлой націи, некупленный пошлымъ униженіемъ, а пріобрѣтенный возвышающимъ величіемъ, уже одинъ доказываетъ могущество творческаго генія Пушкина. Для критическаго глаза это произведеніе является въ высочайшей степени самобытнымъ и оригинальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ ни одного произведенія изъ извѣстнаго намъ литературнаго круга, которое бы можно было сравнить съ «Онѣгинымъ» Пушкина. Тотъ, кто бы вздумалъ тутъ указать на Байронова «Чайльдъ-Гарольда», показалъ бы только въ себѣ человѣка, не способнаго проникнуть дальше наружной стороны: это было бы все равно, что назвать «Германа и Доротею» Гете подражаніемъ Фоссовой «Луизѣ». Даже и тогда, когда Пушкинъ касается самаго обыкновеннаго, характеръ и направленіе его являются необыкновенно самобытными; поэтъ высоко паритъ надъ своими образами, изъ которыхъ одними онъ безпечно играетъ и шутитъ, другіе же скорбно прижимаетъ къ груди своей... Едва ли можно лучше характеризовать разноцвѣтную смѣсь веселаго и грустнаго, ироническаго и трогательнаго, народнаго и идеальнаго, являющагося въ формѣ этого произведенія, какъ сказавъ, что мы созерцаемъ въ ней Русь, что мы созерцаемъ въ ней Пушкина.

Исторія этого романа проста и связь не слишкомъ строга. Но мы потерялись бы въ частностяхъ, мы должны бы были приняться за переводъ, если бы захотѣли представить глазамъ читателя все богатство фантазіи, весь юморъ поэта въ отдѣльныхъ изображеніяхъ. Быстрота и сжатость повѣствованія, ироническія и эпиграмматическія отступленія, на которыя оно безпрерывно разбѣгается, все это совершенно соотвѣтствуетъ предметамъ, являющимся въ произведеніи, предметамъ, которые именно таковы, что сами должны

были заманивать и увлекать поэта въ отступленія. Изображенія природы по своей простотѣ и ясности превосходны; весна, зимняя ночь, сельская тишина немногими краткими чертами являются намъ во всей непосредственности, во всей живости, мы живемъ, мы дышимъ въ нихъ; поэтъ просто называетъ вещь и она получаетъ очаровательнѣйшій художественный образъ. Лица, ихъ внѣшнее проявленіе, ихъ внутреннее существо все очерчено опредѣленно, вѣрно, рѣзко; всѣ лица вполнѣ живыя существа, ихъ непосредственно видишь передъ собой, особенно характеръ Татьяны: это совершенно оригинальное созданіе, въ высочайшей степени граціозное, милое. На обоихъ друзей, на Онѣгина и Ленскаго, можно бы, кажется, смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта; можетъ быть, онъ воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Повѣствованіе о смерти Ленскаго, обстоятельства которой почти точь-въ-точь, почти буквально осуществились для самого поэта, нельзя въ этомъ отношеніи читать безъ содроганія. Темныя предощущенія, трогательныя чувствованія, которыя внушаетъ поэту взглядъ на собственную жизнь и судьбу, пробиваются также во многихъ другихъ мѣстахъ. Но и безъ того всякій, кто будетъ читать это дивное созданіе, долженъ будетъ признать въ его творцѣ человѣка благороднаго и мужественнаго, человѣка, хотя съ огненными страстями, хотя склоннаго къ заблужденіямъ, но пламенѣющаго и стремящагося ко всему благому, ко всему святому.

Борисъ Годуновъ.

Пушкинъ не далъ этому драматическому произведенію никакого родового названія; въ немъ нѣтъ раздѣленія на акты, и сцены слѣдуютъ безпрерывно одна

за другою; мѣсто дѣйствія также безпрерывно мѣняется, а время дѣйствія обнимаетъ цѣлые годы. Если эти внѣшности, изъ которыхъ только первая можетъ казаться необыкновенною, заставляли самого поэта сомнѣваться, точно ли его произведеніе можетъ быть названо трагедіей, то это однако же ни минуты не должно приводить насъ въ раздумье дать ему это названіе.

Единство дѣйствія вездѣ строго сохранено и органически связуетъ части въ одно цѣлое. Планъ, ходъ и развитіе истинно драматическіе; впечатлѣніе, производимое цѣлымъ, также имѣетъ совершенно драматическій характеръ. Внѣшній объемъ равняется мѣрѣ обыкновенныхъ пяти актовъ и нисколько не было бы трудно, еслибы только это было нужно, распредѣлить эти пять актовъ для представленія на сценѣ. Но созданіе поэта имѣетъ такія же права на эти свободныя формы, какія имѣютъ историческія драмы Шекспира и «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» и «Эгмонтъ» Гете; оно по своему духу, по идеѣ и внутренней формѣ, близко къ созданіямъ этихъ геніевъ...

Поэтъ разоблачилъ передъ нашими взорами міровую судьбу. Борисъ, способный и достойный царствовать, достигаетъ престола посредствомъ преступленія и торжествуетъ надъ утратившимъ силу правомъ; тщетно онъ надѣется превратить свои достоинства и заслуги въ право, и злопріобрѣтенное передать любимому сыну, какъ честное наслѣдство. Изъ самого преступленія развивается месть; но не истина, не право низвергаетъ его, а новый обманъ, который ясенъ ему самому какъ обманъ. Поддѣльный видъ права уже достаточно силенъ для того, чтобы уничтожить злоприсвоенное владычество. Исторія не всегда такъ свершаетъ свой судъ; наши глаза часто едва-едва могутъ слѣдить по рядамъ столѣтій за Немéзидой; но тѣ моменты исторіи, въ которыхъ судъ свершается такъ же быстро и

такъ же явственно, какъ здѣсь, они-то и заключаютъ въ себѣ то, что мы зовемъ трагическимъ. Катастрофа Бориса Годунова, которую поэтъ имѣлъ полное право отодвинуть за кончину самого Бориса до рѣшительной гибели всего царскаго рода, само собою переплетается съ судьбою Лжедимитрія; но изъ этихъ двухъ трагическихъ вѣтвей явственно преобладаетъ первая, какъ бо́льшей опредѣленностью, такъ и бо́льшимъ обиліемъ содержанія, и выборъ Пушкина доказываетъ всю глубокость его генія, который былъ притомъ столько могущественъ, столько богатъ, что смогъ изобразить во всемъ достоинствѣ и второго представившагося ему героя.

Распредѣленіе сценъ, на которыя распадается вещество драмы и діалогъ, можно назвать въ высочайшей степени мастерскими. Поэтъ строго держится исторіи, но это нисколько не мѣшаетъ ему вездѣ удерживать въ виду его драматическую задачу. Это произведеніе имѣетъ большіе историческіе пробѣлы и ни одного драматическаго; противоположности, которыя безъ всякой натяжки выходятъ изъ самаго дѣла, въ строгой діалектикѣ смѣняются и побораютъ другъ друга; участіе и интересъ ни на минуту не охлаждаются во все продолженіе развитія до конца. Обрисовка характеровъ столько же зрѣла, сколько разнообразна; первымъ появленіемъ, первыми словами ли́ца живо обозначены и твердо поставлены. Властитель, бояре, духовенство, народъ—всѣ являются въ ихъ дѣйствительномъ различіи; кисть художника равно сильна, равно вѣрна въ изображеніи какъ многоличнаго народа, такъ царя и патріарха, какъ католическаго, такъ и греческаго монаха, какъ честолюбивой польки, такъ и кроткой царской дочери. Пылкое геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное безстрастіе и простота—все является въ своемъ истинномъ видѣ, все выговариваетъ свое сокровеннѣйшее, отличительнѣйшее су-

щество. Это разнообразіе, въ которомъ каждый образъ является характеристически отдѣльнымъ, есть существенный признакъ драматическаго поэта; мы еще больше будемъ удивляться драматической силѣ генія Пушкина, если примемъ въ соображеніе тѣ малыя, ничтожныя средства, которыми онъ достигаетъ своихъ цѣлей. Здѣсь Пушкинъ является мастеромъ перваго разряда: все у него сжато и ярко, опредѣленно и быстро, ничего лишняго, ничего растянутаго; нигдѣ поэтъ не вдается въ заманчивыя отступленія, которыя такъ часто врываются въ драматическія произведенія и думаютъ оправдать себя названіемъ лирическихъ мѣстъ.

Для русскихъ трагедія Пушкина имѣетъ еще то преимущество, что она въ высочайшей степени національна. Если въ драму входятъ и другіе народы, то все-таки дѣло Россіи безусловно овладѣваетъ всѣмъ участіемъ. Мы, иностранцы, чувствуемъ біеніе русскаго сердца въ каждой сценѣ, въ каждой строкѣ. Видя такое прекрасное соединеніе величайшихъ даровъ, мы не можемъ не удивляться и не сожалѣть, что Пушкинъ создалъ только одну эту трагедію, а не цѣлый рядъ, тѣмъ болѣе, что истинный драматическій талантъ по своей натурѣ плодоносенъ и обыкновенно порождаетъ легко и много. Если бы Пушкинъ прожилъ долѣе, то онъ, можетъ быть, свершилъ бы еще больше въ этомъ направленіи.

—

Вся сила, все богатство поэта развивается въ полнотѣ мелкихъ, преимущественно лирическихъ стихотвореній. Здѣсь Пушкинъ является полнымъ властелиномъ, въ необоримомъ могуществѣ; здѣсь сверкаютъ самыя яркія искры того пламени, который горѣлъ въ сокровенныхъ тайникахъ его души. Съ перваго взгляда ясно, что всѣ воплощаемыя имъ ощущенія были

прожиты имъ, что они или выраженіе переворотовъ судьбы, или страданіе и грусть мужественнаго сердца, или бодрость и надежда сильной души.

Прежде всего замѣтимъ разнообразіе, въ которомъ обнаруживается творческая сила поэта. Отъ буйнаго, вакхическаго диѳирамба, отъ возвышенной оды и унылой элегіи до самаго простого напѣва, отъ дружескаго посланія до язвительной эпиграммы—здѣсь собраны всѣ формы. Содержаніе не менѣе разнообразно. Слава творенія, полнота природы, чувство любви и порывы грусти, величіе Россіи, обманы жизни, страданіе отреченія и отчаянія и потомъ снова утѣшеніе въ дружбѣ и въ искусствѣ, свобода мысли и упоеніе насмѣшки, всѣ эти внутреннія движенія и чувствованія просвѣтляются въ груди поэта и становятся отрадными, примирительными образами. Великое созерцаніе природы лежитъ въ основаніи всѣхъ его стихотвореній. Безпрерывно испытывая въ своей собственной жизни всѣ горести и страданія человѣческаго жребія, онъ умѣетъ также переноситься въ положеніе другого, совершенно забывать себя въ немъ и сочувствовать его участи; и нигдѣ это сочувствіе не выражалось съ такою силой, въ такой истинѣ, какъ въ элегіи Пушкина на умиляющую смерть Андрея Шенье.

Но поэтъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, къ свѣту, не могъ предохранять себя отъ внутренней дисгармоніи, и эта дисгармонія прорывается у него въ рѣзкой, въ горькой насмѣшкѣ, въ гнѣвѣ и гордости. Въ сонетѣ, въ которомъ онъ обращается къ самому себѣ, выражена вся свобода его самостоятельнаго духа, все величіе его, вся сила его смѣлаго презрѣнія къ толпѣ. «Ты царь—живи одинъ», восклицаетъ онъ.

Его воззрѣнія на современныя ему политическія дѣла исполнены величія и благородства, всеобъемлющей дальновидности, зрѣлаго сознанія, кроткой теплоты при мысли объ общемъ благѣ, высокой любви къ ро-

днѣ. Ни одинъ поэтъ въ мірѣ не воспѣлъ такъ достойно смерть Наполеона, какъ Пушкинъ. Онъ изображаетъ въ геніальныхъ чертахъ все величіе павшаго героя и, объявляя его тираномъ, не понявшимъ свободы и народовъ, не постигшимъ русскихъ, онъ возбраняетъ всякій укоръ противъ того, кто такъ величественно искупилъ свои заблужденія. Еще замѣчательнѣе два другія стихотворенія Пушкина, принадлежащія ко времени польскаго возстанія. Поэтъ подчиняетъ въ этихъ стихотвореніяхъ вопросъ о сомнительной во всякомъ случаѣ свободѣ отдѣльнаго племени другому высшему вопросу объ общемъ назначеніи славянскихъ народовъ. Здѣсь онъ весь русскій, пламенѣющій за свое отечество, торжествующій побѣду, требующій покорности, но не въ позоръ и рабство, а въ осуществленіе закона высшей власти, для общей славы и процвѣтанія. Все негодованіе его падаетъ на чужеземныхъ клеветниковъ и враговъ Россіи, для которыхъ непонятенъ и чуждъ этотъ споръ Славянъ между собою; онъ зоветъ ихъ снова на знакомыя имъ снѣжныя равнины, онъ обѣщаетъ, что есть еще и для нихъ мѣсто среди гробовъ, имъ нечуждыхъ.

Пѣсня «Пиръ Петра Великаго» должна покорить всѣ сердца поэту, который здѣсь съ мыслью высокой, столько же русской, сколько и общечеловѣческой, воплощаетъ въ могущественнѣйшихъ, въ трогательнѣйшихъ образахъ, торжественный актъ прощенія и примиренія, и разсыпаетъ эти образы въ формахъ быстрой, веселой пѣсни. Никогда еще такое духовное благородство и величіе не соединялись такъ счастливо съ высокимъ даромъ музъ, какъ въ этой пѣснѣ. Это одна пѣсня можетъ служить ручательствомъ, что русская поэзія можетъ смѣло поставить себя на ряду со всякою другою поэзіей, достигшей до высочайшей степени развитія.

1856 г.

Пушкинъ*).

Сочиненія Пушкина, изданіе П. В. Анненкова, Спб. 1855. 6 томовъ 8°.

Какова бы ни была сама по себѣ наша литература, скудна ли, или богата, она, слава Богу, перестала уже быть несущественнымъ и блѣднымъ отраженіемъ чужеземныхъ явленій, глухимъ отзвукомъ случайно долетавшихъ голосовъ, отдаленнымъ и нерѣдко безсмысленнымъ послѣдствіемъ неусвоенныхъ началъ; въ ней чувствуется присутствіе собственной жизни, чувствуется внутренняя связь въ ея явленіяхъ; возникаютъ направленія по закону этой внутренней связи; есть свои образцы, свои господствующія начала, обозначается своя система; словомъ, общественное сознаніе у насъ,—ибо литература есть относительно общества то же самое, что сознаніе въ отдѣльномъ человѣкѣ,—представляетъ собою хотя еще весьма юное, можетъ быть еще весьма слабое, но уже живое развитіе, уже сложившійся организмъ.

Начала, господствующія надъ развитіемъ нашей литературы, справедливо обозначаются именами тѣхъ изъ ея дѣятелей, которые вносили въ нее новыя направле-

*) Эта статья была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1856 г. въ январской и мартовской книжкахъ.

нія, сообщали ей новое движеніе и потому имѣли особенное вліяніе на умы, на сознаніе и слѣдовательно на жизнь, потому что человѣческая жизнь не раздѣльна съ сознаніемъ. Къ этимъ многозначительнымъ именамъ въ нашей литературѣ принадлежатъ имена Пушкина и Гоголя.

Новыя изданія ихъ сочиненій оживили воспоминаніе о нихъ, а изъ прошедшаго, хотя и очень близкаго, но все же прошедшаго, ввели ихъ снова въ среду настоящаго, снова раздалось ихъ знакомое слово, снова испытываемъ мы ихъ дѣйствіе, и оцѣниваемъ ихъ значеніе.

О Пушкинѣ много сужденій было высказано прежде, много говорено и теперь по поводу изданія его сочиненій. Ему посчастливилось еще и въ томъ отношеніи, что онъ нашелъ для своихъ сочиненій столько же добросовѣстнаго и тщательнаго, сколько и даровитаго издателя, который положилъ на свой трудъ много силъ, внесъ въ него много ума, проницательности и вкуса. Біографическіе матеріалы, собранные г. Анненковымъ и примѣчанія его къ сочиненіямъ Пушкина много способствуютъ къ уясненію его дѣятельности и значенія.

При оцѣнкѣ Пушкина всегда возникали въ нашей литературѣ эстетическіе толки. Много этими толками было уяснено, многое также было запутано; а потому мы считаемъ себя нѣкоторымъ образомъ въ правѣ коснуться вопросовъ эстетики, и высказать нѣсколько общихъ мыслей прежде чѣмъ приступимъ къ ближайшей характеристикѣ нашего поэта. По нашему мнѣнію, понятія объ искусствѣ требуютъ у насъ нѣкотораго пересмотра, и мы попытаемся въ краткомъ очеркѣ коснуться главныхъ пунктовъ.

I.

Стремленіе къ самостоятельности, замѣчаемое въ нашей литературѣ, равно какъ и въ нашемъ обществѣ,

есть явленіе безпорно очень утѣшительное. Мы начинаемъ мыслить, не озираясь робко по сторонамъ, не перебирая бережно и безсмысленно послѣдковъ чужой мысли, не повторяя съ подобострастіемъ фразъ и словъ безъ яснаго сознанія того, что ими выражается. Дѣйствительно, пора уже намъ говорить и дѣйствовать на свой собственный счетъ, изъ собственнаго капитала.

Итакъ, мы радуемся этой потребности доходить до всего своимъ умомъ. Безъ этого условія ничто не можетъ пойти впрокъ, но все же это только отрицательное условіе. Нашъ пріятель, судья Тяпкинъ-Ляпкинъ, также доходилъ собственнымъ умомъ до своихъ глубокомысленныхъ теорій о происхожденіи вещей. Однако никому изъ насъ не было бы лестно сопутствовать этому мыслителю, и да будетъ почтенный образъ его полезнымъ предостереженіемъ для многихъ.

Нерѣдко случается намъ слышать и читать рѣшительные приговоры о цѣлыхъ системахъ человѣческаго разумѣнія, надъ которыми работали великіе умы въ теченіе вѣковъ, и которые самыми погрѣшностями своими были плодотворны. Можно не знать ихъ и идти своею тропинкой, добывая понемногу собственнымъ трудомъ хотя бы даже то, что уже давнымъ давно добыто: самостоятельность труда сообщитъ и малому, неважному, давно извѣстному результату новую свѣжесть и даже важность. Понятіе, которое добываемъ мы сами изъ первыхъ матеріаловъ, будетъ всегда содержать въ себѣ нѣчто новое. Особенность матеріаловъ, изъ которыхъ понятіе выработано, будетъ болѣе или менѣе ощутительно въ немъ и придастъ ему силу и значительность. Только такое понятіе можетъ быть легко и плодотворно употребляемо нами въ нашихъ сужденіяхъ; только такое понятіе окажется истинною силою, которою упрочивается наше господство надъ извѣстнымъ кругомъ предметовъ. Общія теоріи и системы мышленія, составляющія богатство и силу человѣческаго разума, добывались при

такихъ условіяхъ, и при такихъ же только условіяхъ, могутъ быть поняты и усвоены. Итакъ, кромѣ добраго слова ничего нельзя было бы сказать о стремленіи добывать собственнымъ трудомъ свои понятія, и мыслить своимъ умомъ. Основательно была бы и соединенная съ такимъ положительнымъ стремленіемъ полемика противъ схоластическаго безплодія, противъ готовыхъ формулъ и общихъ мѣстъ. Но необходимо требуется, чтобы эта полемика не была слѣпою, чтобы критикъ зналъ о чемъ говоритъ, и направлялъ свои удары куда слѣдуетъ, чтобы онъ не бросалъ камней въ небо, по крайней мѣрѣ изъ опасенія попасть ими въ свою голову.

Тамъ, напримѣръ, изъ разныхъ критическихъ уголковъ раздаются весьма часто укоры противъ теорій и философіи. «Намъ надоѣли», кричатъ эти господа, «мертвыя опредѣленія! Долой всѣ эти формулы, всѣ эти умозрительныя идеи, всѣ эти отвлеченныя опредѣленія! Пора теорій миновала безвозвратно». И затѣмъ начинаютъ сами созидать свои теоріи, творить свою философію, которая, конечно, не имѣетъ ничего общаго ни съ какими идеями, ни съ какимъ умозрѣніемъ.

Мы не хотимъ называть именъ, и готовы съ полнымъ безпристрастіемъ отдать должную справедливость тѣмъ изъ нашихъ критиковъ, въ которыхъ нельзя не замѣтить несомнѣнныхъ признаковъ дарованія. Мы готовы сочувствовать имъ во многомъ добромъ, готовы сочувствовать даже въ основѣ тѣхъ побужденій, которыя при неосмотрительности завлекаютъ ихъ въ промахи и крайности. Они правы, вооружаясь противъ отвлеченныхъ формулъ; но, къ сожалѣнію, забываютъ только, что въ этихъ мертвыхъ формулахъ никто кромѣ ихъ самихъ не виноватъ, что предметъ ихъ справедливаго неудовольствія — недостатокъ ихъ же собственной мысли. Мы поздравляемъ ихъ съ прекраснымъ свойствомъ живыхъ и бодрыхъ натуръ, въ ко-

торыхъ возбуждается нетерпѣливая и страстная реакція противъ всего мертваго, противъ всякаго застоя и всякой косности. Но мы желали бы, чтобы съ этой реакціей соединялось сознаніе, въ чемъ и отъ чего зло.

Увы! то явленіе въ нашей литературѣ, которымъ вызвано у насъ выше сказанное замѣчаніе, есть только одинъ изъ самыхъ мелкихъ и неважныхъ случаевъ явленія всеобщаго, непрерывно и въ колоссальныхъ размѣрахъ происходящаго въ исторіи человѣческаго разумѣнія. Параллельно съ ходомъ какого либо великаго дѣла, возникаютъ въ умахъ представленія объ немъ, нерѣдко противоположныя существу того, что ими знаменуется. Раскрываясь въ живомъ сознаніи, они сами пріобрѣтаютъ дѣйствительность, образуютъ свою исторію, независимую отъ хода самаго дѣла. Съ теченіемъ времени господствующія представленія начинаютъ колебаться, возникаетъ противодѣйствіе; противъ явленій сознанія употребляются всѣ орудія сознанія, и разъѣдающій анализъ, и сила насмѣшки, и страсть гнѣва. Идолы падаютъ, и люди думаютъ, что съ ними падаетъ дѣло. Но часто бываетъ такъ, что самое дѣло, овладѣвая все болѣе и болѣе умами, независимо отъ тѣхъ представленій, которыя заслоняли его, возбуждаетъ противъ нихъ реакцію: оно-то подъ другими именами и подъ другими представленіями вооружаетъ умы противъ несоотвѣтственныхъ о себѣ представленій, и заставляетъ служить себѣ своихъ противниковъ, которые иногда бываютъ вѣрнѣе ему и ближе къ нему, чѣмъ его защитники.

Но возвратимся къ нашему вопросу. Въ нашей критикѣ, по поводу Пушкина, часто слышалось возраженіе противъ будто бы ошибочной теоріи, которая учитъ, что искусство должно имѣть свою цѣль въ самомъ себѣ. Это положеніе, въ своей отвлеченности и отрывочности, можетъ быть всячески понимаемо. Мы слышимъ слова, и первыя, какія случились въ умѣ на-

шемъ понятія являются на зовъ; выходитъ смыслъ, котораго мы сами бываемъ единственными виновниками, смыслъ смутный, сбивчивый и близкій къ безсмыслицѣ. Изъ уваженія къ авторитету теоріи, мы благоговѣемъ передъ собственною безсмыслицею, потомъ начинаемъ тяготиться ею, наконецъ чувствуемъ пресыщеніе, вспыхиваемъ гнѣвомъ, сбрасываемъ съ себя иго, и потомъ, какъ люди опытные, насмѣшливо отзываемся о системахъ, къ которымъ будто бы прежде принадлежали, но отъ которыхъ счастливо наконецъ отдѣлались. Мы точно двинулись впередъ, потому что вышли изъ ложнаго положенія, но не относительно самаго дѣла, отъ котораго не могли уйти, потому что никогда къ нему не подходили. Отрывочныя, налету схваченныя фразы, возбуждавшія въ нашемъ умѣ смутныя и безплодныя движенія—вотъ вся наша философія. Порадуемся, что отъ ней освободились, но будемъ видѣть не болѣе какъ нашъ же собственный, хотя и невольный грѣхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ освобожденною и здоровою мыслію почтимъ истинное разумѣніе, и будемъ стараться приблизиться къ нему, начиная мыслить собственнымъ умомъ.

Искусство должно имѣть свою внутреннюю цѣль, какъ имѣетъ ее все на свѣтѣ. Это общій законъ всякой организаціи, всякаго самостоятельнаго существованія, всякой дѣятельности, условленной природою человѣческою. Говорите, что хотите, но не отнимайте у искусства его права на существованіе, sa raison d'être. Неужели въ самомъ дѣлѣ эта богатая и великая сфера человѣческой дѣятельности, сфера, въ которой проявлено столько силъ и генія, неужели она лишена своего внутренняго закона, неужели ей не дано начала самоуправленія, самобытности и независимости? Неужели явленія въ этой области возникаютъ только по постороннимъ поводамъ и требованіямъ? Итакъ, не зачѣмъ говорить намъ объ искусствѣ; есть только слу-

чайно возникающія, тамъ и сямъ, различныя явленія, которымъ даемъ мы, по нѣкоторымъ общимъ признакамъ, общее названіе произведеній искусствъ. Одни изъ этихъ произведеній вызываются нуждой, другія— празднымъ досугомъ, и вотъ для бѣднаго поэта, чтобы не попасть въ скоморохи, не остается иного убѣжища, какъ поступить въ служители благочинія.

О, старый мыслитель Италіи, не это ли твои corsi ricorsi? Неужели мы возвратились къ тѣмъ же воззрѣніямъ, отъ которыхъ почитали себя совершенно освобожденными? Какъ доблестно и съ какою энергіей бились мы противъ этихъ обветшалыхъ воззрѣній, возникшихъ въ тѣ времена, когда искусство не имѣло для мысли никакого существеннаго интереса! И вотъ опять, съ другой стороны, приходимъ мы сами къ тому же! Отъ тѣхъ романтическихъ бредней о значеніи художника, которыя еще не очень давно стояли такимъ туманомъ въ нашей литературѣ, отъ всѣхъ этихъ краснорѣчивыхъ и горячихъ толковъ о художественности, толковъ, которые проводили столь рѣзкую границу между такъ названными произведеніями беллетристики, не имѣющими самостоятельнаго значенія, и произведеніями художественными, предъ которыми благоговѣйно преклонялись колѣна; отъ всего этого осталось въ нашихъ критикахъ лишь чувство пресыщенія, и они готовы теперь ставить художнику въ вину художественность его произведеній. Пушкинъ подвергся укору за то, что оставался вѣренъ цѣлямъ искусства. Его восхваляютъ какъ художника, но укоряютъ за то, что онъ былъ исключительно художникомъ.

Пушкинъ, говорятъ критики, былъ въ нашей литературѣ художникомъ по преимуществу; онъ первый внесъ въ нее истинное начало поэзіи; но за то онъ и былъ только художникомъ, только поэтомъ. Повинуясь влеченію своей природы, онъ подчинилъ себя вполнѣ этой теоріи, предписывающей искусству не знать

иной цѣли, кромѣ искусства. Ему бы только уловить красоту явленія, только начертить изящный образъ, только передать ощущеніе въ живой прелести стиха. Онъ былъ эхо, которое отзывается на все безразлично и безстрастно; такъ онъ и понималъ свое назначеніе, какъ поэта. Онъ самъ высказалъ свою теорію искусства въ знаменитомъ стихотвореніи своемъ: *Чернь*. Съ презрѣніемъ и негодованіемъ отталкиваетъ поэтъ эту, какъ онъ выражается, «тупую чернь», этотъ «непосвященный и безсмысленный народъ», который собрался просить у него слова поученія. Въ стихотвореніи Пушкина послѣднее слово осталось конечно за поэтомъ. Но критики становятся на противную сторону, и, разумѣется, удерживаютъ за собою послѣднее слово, повторяя и разбирая то, что высказано въ стихотвореніи отъ лица черни.

Читатели, можетъ быть, не посѣтуютъ на насъ, если мы начнемъ нѣсколько издалека, чтобы по возможности уяснить спорное дѣло.

Пушкинъ не былъ теоретикомъ. Но дѣйствительно съ теченіемъ времени его художественная дѣятельность достигла до самосознанія, которое выразилось въ нѣскольких прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Эти стихотворенія, при всей свободѣ своей формы, при всемъ отсутствіи догматическаго характера, заключаютъ въ себѣ намеки на теорію искусства, которую легко извлечь изъ нихъ.

Бывало говорилось у насъ, что дѣятельность художника совершается безсознательно. Объ этомъ вопросѣ также велись въ нашей журналистикѣ горячіе толки, которые, какъ кажется, кончились такимъ же чувствомъ пресыщенія, какъ и прочіе эстетическіе толки у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, при дальнѣйшей опытности, при большей зрѣлости понятій, трудно было оставаться въ наивной увѣренности, что художникъ, въ минуту вдохновенія, обмираетъ какъ пиѳія или какъ ясновидящій въ

магнетическомъ усыпленіи, и что устами его вѣщаетъ посѣтившая его чуждая сила. Мы весьма основательно убѣдились, что такое понятіе о вдохновеніи художника совершенно нелѣпо, что состояніе творчества есть состояніе здраваго и трезваго духа, что художникъ, какъ и мыслитель, сохраняетъ въ минуту дѣятельности всю свою умственную свободу, и что даже напротивъ такая минута есть въ человѣкѣ состояніе высшей внутренней ясности. Теперь, кажется, мы уже не признаемъ никакой особенности въ состояніи умственнаго творчества, и самое слово творчество употребляемъ только по навыку, не придавая ему никакого особеннаго значенія, а ученіе о безсознательности творчества относимъ къ пустому хламу нашихъ прежнихъ романтическихъ бредней. Но и здѣсь мы ошибаемся, и здѣсь повторяется вышеуказанное нами явленіе. Сами сочинивъ нелѣпую безсознательность въ искусствѣ, мы потомъ слагаемъ всю вину на философскія теоріи, которыя никогда этому не учили.

Поэзія есть прежде всего одна изъ формъ нашего сознанія. Это особаго рода мышленіе; это умственная дѣятельность. Но чѣмъ могущественнѣе овладѣваетъ нашею душою какая-либо мысль, чѣмъ съ большею энергіей предаемся мы какому-либо дѣлу, тѣмъ менѣе остается въ насъ мѣста и силъ для всякой другой мысли, для всякой посторонней дѣятельности. Если бы съ развитіемъ одного дѣла современно происходило въ насъ другое дѣло, то ни одно не могло бы происходить съ тою силою, свободою и правильностію, какія требуются для полнаго успѣха. Одно возмущало бы и ослабляло бы теченіе другого, и мы бы несчастнымъ образомъ двоились между ними. Это общій законъ, который находитъ себѣ только частное приложеніе относительно художественнаго творчества. Развивая мысленно рядъ представленій, поглощающихъ все наше вниманіе, мы не можемъ въ тоже время развивать другіе ряды, не

отнимая жизни и силы у перваго. Возникшій въ насъ замыселъ даетъ нашему уму и всей нашей внутренней организаціи соотвѣтственное настроеніе; смотря по глубинѣ и силѣ замысла, весь внутренній міръ, все хранящееся въ нашей душѣ разнообразіе мыслей, представленій, чувствованій, располагается такъ, чтобы входить въ систему начавшагося развитія и занимать въ ней опредѣленное назначеніе. Когда Шекспиръ создавалъ своего Отелло и развивалъ въ своемъ воображеніи сцены его безумной ревности, это чувство, болѣе или менѣе знакомое сердцу поэта, поднималось тогда въ душѣ его не какъ собственная страсть, но какъ свободное представленіе, со всѣми особенностями своей природы и своего проявленія, и вселялось въ страшнаго Мавра и оживляло его мрачный образъ; оно не могло бы тогда развиться какъ собственная страсть, а если бы возникъ къ тому поводъ, то созданіе поэта по необходимости должно было бы прерваться. Не только подобныя посторонніе возбужденія со стороны дѣйствительности могутъ вредить внутреннему дѣлу, но также и всякое другое внутреннее дѣло, а равно и новый актъ сознанія, который слѣдилъ бы за первымъ. *Вдохновеніе творчества не только не чуждо сознанія, но есть напротивъ самое усиленное его состояніе.* Человѣкъ въ этомъ состояніи весь становится созерцаніемъ, внутреннимъ зрѣніемъ и слухомъ. Но чѣмъ сильнѣе такое состояніе, тѣмъ менѣе бываетъ возможнымъ, современно съ нимъ, другое подобное состояніе. Мы не можемъ сосредоточить наши понятія для того, чтобы наблюдать за сильною внутреннею работою въ самый моментъ ея развитія, не можемъ не потому только, что намъ недостало бы матеріальныхъ силъ, но потому преимущественно, что не будетъ у насъ свободныхъ нравственныхъ силъ для новой работы, не будетъ въ нашемъ распоряженіи тѣхъ умственныхъ способовъ, тѣхъ понятій, которыя были бы для нея необходимы, по ко-

торыя заняты болѣе или менѣе близкимъ отношеніемъ къ начавшемуся дѣлу. Они не могутъ вступить въ тѣ сочетанія, которыя требовались бы для новаго дѣла, не нарушая цѣлаго настроенія нашей души. Отдавать себѣ отчетъ въ общихъ законахъ своей дѣятельности требуетъ особой дѣятельности, новаго плана, новаго настроенія и своего времени.

Итакъ вотъ она, эта пресловутая безсознательность художника! Это не безсознательность, а цѣльность сознанія, и нисколько не составляетъ исключительной принадлежности искусства въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Это общее условіе всякаго рода дѣятельности, которая творчески совершается въ человѣческомъ духѣ, и творчество въ этомъ смыслѣ нимало не есть принадлежность людей, слагающихъ стихи, сочиняющихъ повѣсти или драмы, или занимающихся живописью; оно равно относится и къ ученому, къ инженеру, и даже къ математику, котораго бывало ставили во враждебныя отношенія къ поэту.

Но внутреннія состоянія наши проходятъ, и хранятся въ памяти. То, что было невозможно при *настоящемъ* развитіи, становится возможнымъ относительно *прошедшаго*. Рядъ подобныхъ состояній, какъ состояній прошедшихъ, является намъ простымъ воспоминаніемъ, простыми представленіями, и мы образуемъ изъ нихъ тѣ общія представленія, въ которыхъ сосредоточивается для насъ ихъ значеніе, ихъ сущность, ихъ понятіе.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ нашъ поэтъ разумѣетъ значеніе своей дѣятельности.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній (1831 года) Пушкинъ сравнилъ поэта съ отголоскомъ:

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ

Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Безъ сомнѣнія, Пушкинъ не имѣлъ въ виду выразить этими стихами полное значеніе поэта. Оно, какъ видно, родилось у него мгновенно, и навѣяно мимолетнымъ настроеніемъ. Можетъ быть хотѣлось ему только выразить, подъ общимъ представленіемъ поэта, случайное чувство личнаго одиночества и недовольства. Дѣйствительно, эта безотзывность на голосъ поэта, эта исключительность его положенія въ мірѣ, какъ существа, которое, откликаясь на все, остается само безъ отзыва, все это было бы чертою слишкомъ хитрою и искусственною въ общей характеристикѣ поэта. Вообще эта аналогія съ отголоскомъ не очень богата, и немного хромаетъ; но тѣмъ не менѣе она намекаетъ на весьма характеристическое, хотя вовсе не исключительное значеніе поэта.

Существенный смыслъ сравненія, по нашему мнѣнію, заключается въ призваніи поэта постигать и воспроизводить всѣ явленія жизни. Мы удержимъ только этотъ общій смыслъ, и посмотримъ, что въ немъ содержится.

Обыкновенно во главу поэзіи полагается красота, какъ цѣлію знанія поставляется истина. Но это также принадлежитъ къ числу грубопонятыхъ формулъ. Прекрасное, конечно, входитъ какъ существенная черта въ характеристику искусства, но въ основаніе его должны мы положить то же, что и въ основаніе познающей мысли—истину. Истина есть первая и необходимая основа всякой поэзіи; истина есть также внутренняя цѣль ея, какъ и цѣль знанія; она-то даетъ

искусству значеніе существенное, великое; благодаря ей-то искусство есть нѣчто необходимое въ общей экономіи человѣческаго духа. Наконецъ, скажемъ болѣе, скажемъ рѣшительно, поэзія въ сущности есть то же самое, что и познающее мышленіе, то же что знаніе, то же что философія, и разнится отъ нихъ только предметами и способами постиженія.

Какъ ни страннымъ покажется такое сближеніе поэзіи съ знаніемъ, поэзіи, которая по обыкновеннымъ понятіямъ почитается совершенною противоположностію строгой мысли, обрекшей себя на служеніе истинѣ, но мы твердо стоимъ на своемъ положеніи. Поэзіи отводятъ область воображенія и фантазіи, знанію—область разума: все это большею частію только слова, произносимыя безъ мысли.

Но, возразятъ намъ многіе съ удивленіемъ, поэзія есть вымыселъ; въ поэтическихъ произведеніяхъ изображаются вымышленныя лица и событія, и даже въ историческихъ романахъ гораздо болѣе выдумки, чѣмъ правды. Какое же тутъ знаніе, какая истина?

Однакожъ кто не говоритъ объ истинѣ и правдѣ, какъ главныхъ достоинствахъ поэтическаго вымысла? кто не требуетъ отъ поэта знанія человѣческаго сердца? кто не отличаетъ пустыхъ выдумокъ празднаго воображенія отъ возвышенныхъ произведеній искусства, въ которыхъ черпаемъ мы великія идеи, богатство опыта, которыя расширяютъ нашъ умственный горизонтъ и открываютъ передъ нашимъ изумленнымъ взоромъ глубокія и сокровеннѣйшія стороны жизни?

Итакъ, высказанное нами положеніе о существенномъ сродствѣ поэзіи и знанія, о истинѣ, какъ ея главной цѣли, вовсе не должно казаться слишкомъ страннымъ даже во мнѣніи тѣхъ, кому бы оно съ перваго раза и показалось страннымъ.

Поэзія, въ истинномъ смыслѣ, *есть познающая мысль, направленная на все то, что не подвластно*

отвлеченному мышленію. Это безконечное разнообразіе жизни, эта неисчислимая полнота существованій, этотъ міръ души человѣческой, незримый, но столь же дѣйствительный и столь же неистощимый въ своихъ явленіяхъ, какъ и видимый міръ, этотъ міръ человѣческихъ отношеній и силъ, которыя непосредственно дѣйствуютъ въ нихъ и управляютъ ими, все это требуетъ постигающаго понятія, все это также должно быть предметомъ яснаго и для всѣхъ выраженнаго знанія, и это познаніе отъ начала вѣка ведется въ томъ, что мы зовемъ художествомъ и поэзіею.

Знаніе въ томъ, что мы зовемъ наукой и знаніе въ томъ, что мы зовемъ поэзіей, различаются между собою такъ: первое имѣетъ въ виду отвлеченное, общія отношенія предметовъ; собирая во множествѣ частныя явленія, первое не обращаетъ вниманія на индивидуальныя ихъ отличія, сосредоточивается въ нихъ исключительно лишь на понятіяхъ родовыхъ и высказываетъ общія положенія, какъ законы природы; послѣднее, напротивъ, направлено къ тому, что брошено первымъ, какъ случайное, къ тому, на что первое не хочетъ и не можетъ обратить вниманія. Но и въ этомъ отношеніи противоположность между знаніемъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова и поэзіей не есть нѣчто существенное и непремѣнное. Есть сферы познанія, въ которыхъ оно сближается съ поэзіей. Это именно тѣ сферы, гдѣ мышленіе слагаетъ съ себя, говоря схоластическимъ терминомъ, *дискурсивный* характеръ, и принимаетъ характеръ созерцанія, гдѣ оно не состоитъ въ сочетаніи отвлеченныхъ понятій, но относится также къ индивидуальному, какъ въ исторіи, или въ возвышенныхъ сферахъ философскаго разумѣнія, гдѣ мысль имѣетъ передъ собою всеобщія, и потому также индивидуальныя, единственныя начала.

Мы коснулись отношенія поэзіи къ міру нравственному, къ міру человѣческому. Художникъ есть истин-

ный естествоиспытатель въ этомъ мірѣ. Онъ производитъ въ немъ самыя разнообразныя наблюденія, которыя не уступаютъ въ богатствѣ наблюденіямъ науки. И здѣсь вновь встрѣчаемъ мы сближеніе поэзіи съ наукой. Тотъ же самый процессъ совершается въ умѣ мыслителя, извлекающаго изъ бездны частныхъ фактовъ такъ-называемый всеобщій фактъ, или законъ природы, какъ и въ художникѣ, когда въ немъ изъ тысячи схваченныхъ особенностей вырабатывается общій типъ, характеристическій образъ. Разница происходитъ отъ свойства предметовъ, на которые направлена дѣятельность того и другого. Наблюденія, производимыя въ мірѣ человѣческой свободы, не могутъ соединяться съ тѣми внѣшними пріемами, съ тѣми искусственными орудіями, которыя составляютъ предметъ особаго изученія, и къ которымъ естествоиспытатель прибѣгаетъ для сообщенія видимой точности своимъ выводамъ. За то, съ другой стороны, естествоиспытатель имѣетъ дѣло съ письменами, которыхъ смыслъ не ясенъ ему непосредственно. Явленія природы предстоятъ ему какъ голые, внѣшніе факты, и получаютъ значеніе, говорятъ уму лишь въ той мѣрѣ, въ какой вырабатываются изъ нихъ отвлеченные признаки или логическія формулы законовъ природы. Поэзія относится большею частію къ такимъ явленіямъ, смыслъ которыхъ непосредственно сказывается въ нашемъ сердцѣ, въ нашемъ нравственномъ чувствѣ, въ нашемъ самосознаніи; она относится преимущественно къ человѣческому міру, въ которомъ явленія сами чувствуютъ себя. Все внѣшнее въ этомъ мірѣ находитъ себѣ непосредственное истолкованіе во внутреннемъ, которому служитъ знакомъ. Природа внѣшняя входитъ въ вѣдѣніе поэзіи лишь по своему отношенію къ человѣческому міру; поэзія знаетъ ее въ отраженіи человѣческаго чувства, въ уподобленіи явленіямъ внутреннимъ, во взаимодѣйствіи съ человѣческою волею, знаетъ ее какъ окруженіе, какъ сцену

жизни и событій. Далѣе, руководствуясь чувствомъ внутренняго, она вноситъ въ соотвѣтственныя явленія природы психическія настроенія. И здѣсь истинная поэзія не есть пустая выдумка или реторическая фигура. Конечно, въ поэзіи, какъ и вообще въ языкѣ, уподобленія служатъ способомъ выраженія и логическою ступенью въ развитіи понятія; но въ основаніи этой потребности сближать внутреннія явленія съ внѣшними таится глубокое чувство существеннаго сродства между ними. Во всемъ внѣшнемъ есть свое внутреннее, и поэтическій взглядъ угадываетъ это внутреннее по аналогіи съ душою человѣческою. Поэзія открываетъ намъ вдохновенное прозрѣніе въ глубины космической жизни, сходясь здѣсь снова съ философскою мыслію.

Наука, обобщая явленія, группируетъ ихъ по логическимъ отношеніямъ, извлекаетъ ихъ изъ тѣхъ безчисленно разнообразныхъ связей, какъ существуютъ они въ дѣйствительности; наука тщательно уединяетъ свой фактъ, возводя его въ понятіе; индивидуальности служатъ для ней только веществомъ анализа; она сыплетъ и льетъ ихъ въ свои реторты, добираясь только до элементовъ, чтобы потомъ разбирать и читать посредствомъ этой азбуки сложныя сочетанія явленій. Мысль художника держится на понятіяхъ видовыхъ, которымъ непосредственно подчинено разнообразіе индивидуальности. Видъ, по термонологіи греческой философіи, есть то же что идея; оба реченія въ греческомъ языкѣ одного происхожденія, и употреблялись мыслителями одно вмѣсто другого. Мысль художника остается такимъ образомъ на рубежѣ между отвлеченною общностью и живымъ явленіемъ. Фактъ, событіе не исчезаетъ для него въ общемъ законѣ. Онъ повѣствуетъ, изображаетъ, выводитъ живыя лица на сцену. Хотя художественная мысль также обобщаетъ явленія, также соединяется съ отвлеченіемъ, однако художественное обобщеніе не разрушаетъ индивидуальности явленія, оно

только возводитъ его въ типъ. Плодъ художественнаго познанія есть фактъ, удержанный во всей своей индивидуальности, но высвобожденный изъ путаницы случайностей, съ которыми въ дѣйствительности является для простого глаза. Фактъ, въ художественномъ понятіи, сохраняетъ всю свою жизненность. Художественное обобщеніе есть не что иное какъ уразумѣніе всего случайнаго въ предметѣ. Черты характера, моменты дѣйствія, подробности событія, выраженіе душевнаго состоянія, все въ произведеніи истинно-художественномъ должно быть запечатлѣно внутреннею необходимостью, все должно быть проникнуто своимъ значеніемъ, все должно имѣть свое достаточное основаніе, и всякая частность должна находиться въ ясномъ отношеніи къ своему цѣлому, такъ чтобы все было вмѣстѣ и живою дѣйствительностью, и понятіемъ.

Признакъ красоты или изящнаго, придаваемый искусству, относится столько же къ свойству художественнаго сознанія, сколько къ его выраженію, къ исполненію его замысла. Въ художественномъ созерцаніи явленія жизни достигаютъ возвышенной области разума, и даютъ ему въ себѣ мѣсто проявиться, почувствоваться, сказаться. Тутъ-то рождаются эти идеалы, исполненные жизни и вмѣстѣ проникнутые всеобщимъ, всемірнымъ значеніемъ.

Все дѣло идеализаціи состоитъ лишь въ томъ, что данное качество освобождается въ умѣ художника отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергается оно въ дѣйствительности. Разумъ и есть не что иное, какъ возможность полнаго и безпрепятственнаго раскрытія всякой вещи, какъ она должна быть, на свободѣ отъ всѣхъ возмущеній со стороны безчисленныхъ развитій, совершающихся въ дѣйствительности параллельно съ нею. Когда въ сознаніи нашемъ представляемое дѣло достигнетъ такой свободы и чистоты раскрытія, тогда сознаніе принимаетъ то свойство, которое называемъ мы разумомъ.

Но довольно объ этомъ. Часто будутъ представляться намъ случаи подробнѣе и основательнѣе говорить какъ объ этомъ, такъ и о многомъ другомъ; теперь достаточно этихъ намековъ, въ которыхъ мы старались столько же быть краткими, сколько и ясными.

Не мѣшаетъ однако коснуться еще одного вопроса, исключительно относящагося къ поэзіи, какъ къ искусству слова, и очень важнаго для характеристики Пушкина.

Не совсѣмъ легкимъ можетъ показаться примѣненіе всего нами сказаннаго ко многимъ поэтическимъ произведеніямъ, главное достоинство которыхъ заключается въ прелести стиха, въ очарованіи слова. Не самъ ли Пушкинъ говоритъ объ этой «прелести стиховъ», какъ одномъ изъ правъ своихъ на благодарность потомства. Какое же соотношеніе имѣетъ изящество выраженія съ цѣлью, поставляемою нами для художественной дѣятельности? Эти мелкія, игривыя стихотворенія, въ которыхъ не раскрывается ничего опредѣленнаго, какъ подойдутъ они подъ то строгое понятіе, которому рѣшились мы подчинить разнообразную область искусства? Что найдемъ мы въ подобныхъ произведеніяхъ, кромѣ красоты выраженія, а между тѣмъ куда же отнесемъ ихъ, если не къ поэзіи?

Этимъ вопросомъ мы касаемся другой стороны художественной дѣятельности, стороны исполненія. Художественная мысль вступаетъ въ борьбу съ веществомъ, чтобы овладѣть имъ и выразиться въ немъ для всѣхъ и каждаго. Борьба эта имѣетъ свою исторію, и внѣшняя сторона художественной дѣятельности образуетъ свою сферу и пріобрѣтаетъ свою важность. Вещество, покоряемое художественнымъ цѣлямъ, требуетъ особаго изученія; оно поддается лишь сильной рукѣ, и то постепенно, въ теченіе времени. Каждое торжество въ этой борьбѣ передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, и служитъ условіемъ новыхъ успѣховъ; мало-по-малу

для каждаго искусства возникаетъ своя особая наука, своя опытность, равно какъ и при каждой наукѣ, для изложенія ея содержанія, образуется особое искусство, своего рода также наука. Въ эпоху полнаго развитія искусства составляется кодексъ установленныхъ правилъ, утвердившихся пріемовъ и способовъ техники. Это общія мѣста, готовыя фразы искусства, тоже самое, что и тѣ готовыя формулы рѣчи, которыми надѣляетъ насъ общее образованіе, и которыя употребляемъ мы безъ всякаго собственнаго въ нихъ участія. Но въ исторіи искусства останутся навсегда великими памятниками тѣ произведенія, въ которыхъ первоначально одержаны геніемъ побѣды надъ непокорною силою вещества. Что впослѣдствіи становится легкимъ и незначительнымъ, что становится общимъ мѣстомъ, то въ этихъ первоначальныхъ выраженіяхъ является высоко важнымъ, свѣжимъ и оригинальнымъ. Часто вся сила замѣчательнаго дарованія расточалась на эти первоначальныя побѣды, и ничего другого не завѣщала потомству кромѣ выраженій, означенныхъ ею и навсегда покоренныхъ художественному сознанію.

Все сейчасъ сказанное имѣетъ особое значеніе относительно поэзіи въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Въ исторіи нашей литературы мы можемъ указать на нѣсколько, даже не стихотвореній, а стиховъ, справедливо замѣченныхъ критикою, какъ несомнѣнныя доказательства истинно-художественнаго дара, который ничѣмъ столько не ознаменовалъ себя, какъ этими первыми побѣдами, одержанными надъ языкомъ. Ломоносова мы должны были бы признать истиннымъ художникомъ, если бы онъ не написалъ ничего, кромѣ извѣстной оды, выбранной изъ книги Іова, и напримѣръ слѣдующихъ стиховъ въ ней:

Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?

Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Поэтъ есть образователь языка, и эту образовательную силу черпаетъ онъ въ постиженіи духа и средствъ языка. Языкъ не есть просто матеріалъ, какъ глыба мрамора или какъ краски; самый звукъ не есть въ немъ главное, такъ что даже благозвучіе стиха не столько состоитъ собственно въ звукахъ, сколько въ особомъ движеніи, въ особомъ сочетаніи реченій, въ особомъ послѣдованіи соединенныхъ съ ними представленій и настроеній. Прочтите иностранцу самое по васъ благозвучное стихотвореніе; повѣрьте, онъ не отличитъ его отъ самаго неблагозвучнаго, которое вы потрудитесь прочесть ему вслѣдъ за первымъ, кромѣ развѣ страшной и умышленно подобранной какофоніи. Насъ очаровываютъ въ этомъ благозвучіи разгаданныя тайны языка. Художникъ овладѣваетъ, если позволено будетъ такъ выразиться, индивидуальностью языка. Выскажемся нѣсколько яснѣе. Каждое реченіе, кромѣ своего общаго значенія, или понятія, которымъ оно совпадаетъ съ соотвѣтственными реченіями другихъ языковъ, есть нѣчто само по себѣ существующее, нѣчто индивидуальное, имѣющее свою исторію и хранящее въ себѣ слѣды разныхъ положеній, въ которыхъ случалось ему находиться. Художественное чувство относится къ слову не просто какъ къ понятію, но вмѣстѣ какъ къ факту, какъ бы къ особой оживленной сущности, запечатлѣнной своимъ прошедшимъ, имѣющей свои воспоминанія и свои притязанія. Реченіе, которое по своему общему значенію могло бы годиться для того или другого употребленія, не будетъ употреблено художникомъ, если окажется къ тому препятствіе въ исторической судьбѣ слова, въ его *положеніи*, въ тѣхъ мелкихъ и едва замѣтныхъ сочетані-

яхъ, съ которыми оно неминуемо является въ чуткомъ ухѣ.

Истинный поэтъ есть великій знатокъ языка, хотя бы и не учился никакой грамматикѣ, *и въ поэтическихъ произведеніяхъ раскрываются предъ нами тайны слова и ощущается тотъ духъ, тотъ строй сознанія, который составляетъ его основу въ данное время народной жизни и образованія.*

Перейдемъ теперь къ другому, весьма важному вопросу, который возникъ въ нашей литературѣ по поводу Пушкина.

II.

Мы старались показать, что самая первая и существенная цѣль искусства есть истина, что поэзія можетъ и должна быть понимаема какъ знаніе, что красота художественныхъ произведеній есть лишь особое свойство этого знанія и основана на истинѣ. Но, спросятъ насъ, должно ли искусство ограничиваться однимъ теоретическимъ значеніемъ, или оно должно имѣть также и практическое значеніе? Этотъ вопросъ внушилъ самому Пушкину извѣстное стихотвореніе «Чернь», о которомъ привелось намъ упомянуть выше.

Въ этомъ стихотвореніи ясно замѣтно развитіе темы, замѣтна нѣкоторая діалектика, возвышеніе тона и мысли. Чернь сначала говоритъ слѣдующее о поэтѣ:

„*Зачѣмъ* такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
. . . .
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?“

Вопросъ въ этихъ словахъ касается самаго существованія искусства, какъ и вообще всего, что не имѣетъ внѣшней цѣли, что посвящено безкорыстному удо-

влетворенію высшихъ потребностей человѣческой природы. Поэтъ выражаетъ это въ рѣзкихъ стихахъ:

Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже,
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Слѣдующее затѣмъ возраженіе черни принимаетъ болѣе серьезный характеръ. Она не отрицаетъ высшихъ даровъ и призваній, но требуетъ чтобы «небесъ избранникъ» употреблялъ свой даръ во благо ближняго, чтобы онъ исправлялъ сердца собратьевъ:

Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Требованія, повидимому, весьма честныя и законныя. Но поэтъ съ новою силою гремитъ противъ черни. Онъ отрекается отъ возлагаемой на него обязанности; онъ не думаетъ, чтобы «гласъ лиры» могъ оживить «каменѣющихъ въ развратѣ безумныхъ рабовъ, которые противны ему какъ гробы». Негодованіе поэта оправдывается тѣмъ оттѣнкомъ, который приданъ увѣщательной рѣчи, вызывающей его на подвигъ исправленія сердецъ. Чернь исчисляетъ свои пороки не съ тѣмъ чувствомъ, которое жаждетъ исправленія. Этотъ заключительный стихъ:

А мы послушаемъ тебя,

показываетъ ясно, что шумливые требователи морали въ поэзіи очень удобно могутъ оставаться при своихъ порокахъ, и желали бы только въ воображеніи поиграть добродѣтелью. Въ человѣкѣ самомъ испорченномъ долго еще сохраняется потребность какъ-ни-

будь возстановить въ себѣ равновѣсіе между слишкомъ сильнымъ зломъ и слишкомъ слабымъ добромъ. Не имѣя ни охоты, ни силы бороться со зломъ въ своемъ сердцѣ и побѣждать наклонности воли, онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, дать въ своемъ воображеніи полный просторъ добру. Отъявленный негодяй толкуетъ иногда съ большимъ чувствомъ о чести и добродѣтели, и не всегда это бываетъ лишь однимъ лицемѣріемъ. Поэтъ, конечно, долженъ отказаться отъ такого служенія, и заключаетъ свою рѣчь исповѣдью своего истиннаго призванія:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Исповѣдь краснорѣчивая и сильная! Мы не должны однако привязываться въ ней къ каждому слову, или съ другой стороны, видѣть въ этомъ лирическомъ движеніи точное выраженіе эстетическаго закона. Мы согласны, что въ общей исповѣди поэта выразилась невольно личность самого Пушкина, особенность его природы и дарованія. Но основной смыслъ этихъ стиховъ, что бы кто ни говорилъ, очень вѣренъ. Да! мы не имѣемъ никакого права требовать чего либо отъ искусства свыше того, что высказывается этими немногими словами, опредѣляющими призваніе художника. Если вдохновеніе не есть пустое слово, то что же иное можетъ означать оно здѣсь, какъ не творческое созерцаніе жизни и истины? Не есть ли это то благодатное состояніе, болѣе или менѣе испытанное каждымъ, въ которое какъ бы мгновенно озаряется свѣтомъ нашъ умъ, раскрывается кругъ нашихъ обычныхъ представленій и принимаетъ въ себя нѣчто новое, сильно и животворно дѣйствующее на наше сознаніе? Коснется ли наша мысль живой сущности явленій, очнется ли въ душѣ нашей какое-либо скрытно

дѣйствующее начало и внезапно озарится сознаніемъ; обозначится ли вдругъ, въ живомъ образѣ или звукѣ, наше внутреннее настроеніе, или же можетъ быть послѣ долгихъ исканій мысль найдетъ свое слово, цѣль свое средство; развернется ли передъ нами, въ существенныхъ очертаніяхъ, но во всей полнотѣ жизни, міръ разнообразныхъ явленій: все подобное есть даръ вдохновенія, которое хотя не есть исключительная принадлежность художника, но безъ котораго невозможна истинная поэзія. Творческое воспроизведеніе дѣйствительности въ сознаніи—вотъ вдохновеніе художника, вотъ цѣли и задачи его.

Приведемъ здѣсь кстати разсказъ Пушкина о первыхъ испытанныхъ имъ минутахъ еще юнаго вдохновенія:

.... Яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лучъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чуждыя рождались,
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались...

Какъ живо и истинно переданы въ этихъ словахъ первое развитіе поэтическаго дара, эти первыя разнообразныя впечатлѣнія бытія, которыя въ поэтической душѣ возбуждаютъ сродную себѣ игру представленій и находятъ въ нихъ свое выраженіе, наконецъ, этотъ пламенный недугъ, эта неодолимая потребность осилить

внутреннюю тревогу пробудившейся души и дать ей выраженіе!

Приведемъ въ заключеніе піесу, принадлежащую къ зрѣлой эпохѣ Пушкина, піесу, въ которой онъ еще разъ возвращается къ значенію поэта, и которая великолѣпно дополняетъ взглядъ Пушкина на свое призваніе:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ.
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ, Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Но возвратимся къ вопросу о практическомъ значеніи искусства.

Вопросъ о пользѣ былъ нѣкогда неизбѣжнымъ предисловіемъ ко всякому дѣлу. Потомъ, когда заговорили о самостоятельности каждаго дѣла, проистекающаго изъ существенной потребности человѣческой природы, подобные предварительные трактаты о пользѣ подверглись осмѣянію. Но вопросъ о пользѣ можетъ имѣть болѣе глубокое значеніе, не заслуживающее осмѣянія. Все въ мірѣ связано между собою, все дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть взаимно полезно или вредно. Но, съ другой стороны, дѣйствовать успѣшно можетъ только то, что достаточно сильно и зрѣло въ самомъ себѣ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе и становится способною дѣйствовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ внутреннему закону своего существованія. Въ человѣческомъ мірѣ должны мы признать то же самое. Каждая дѣятельность хочетъ имѣть

свой корень, свою область и требуетъ самостоятельнаго развитія. Она должна прежде сама развиться, и лишь потомъ можетъ оказывать вліяніе на все прочее. Хотите ли вы утолить голодъ или жажду: вы возьмете зрѣлый плодъ, а гнилой и незрѣлый будетъ безполезенъ вамъ. Хотите ли пользы отъ науки: дайте ей полный просторъ, дайте возможность, чтобы умственныя силы могли быть преданы ей вполнѣ, такъ чтобы она образовала великій и живой организмъ, чтобы каждая существенная цѣль въ ней достигалась достиженіемъ многихъ другихъ посредствующихъ цѣлей, и чтобы каждая изъ такихъ посредствующихъ цѣлей могла стать предметомъ особыхъ стремленій и могла образовать свой міръ. Не спрашивайте, за чѣмъ то и за чѣмъ другое, не говорите о безполезности той или другой части: знайте, что за каждую часть отвѣчаетъ цѣлое, а цѣлое возможно лишь при полномъ и рѣшительномъ развитіи каждой части.

Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте же ему быть художникомъ, и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею единственною цѣлью дѣло искусства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите, что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? Какая польза намъ отъ этого? Мы не будемъ отвѣчать на эти вопросы рѣзкими словами поэта, не будемъ также распространяться о важности внутренней цѣли искусства, о томъ, что минуты этого вдохновеннаго созерцанія идей и жизни сами по себѣ драгоцѣнны; прямѣе и примирительнѣе будемъ отвѣчать этимъ суровымъ искателямъ пользы. Правда, скажемъ мы имъ, люди призваны въ міръ не

для одного спокойнаго созерцанія; мы должны дѣйствовать и участвовать въ великихъ битвахъ жизни, каждый по силамъ и средствамъ своимъ; все въ человѣческомъ мірѣ стремится и дѣйствуетъ, все въ напряженіи и борьбѣ; такъ! мы не будемъ терпѣть, чтобы силы, столь нужныя для дѣйствія и борьбы, замыкались въ неприступной оградѣ и пребывали тамъ въ блаженномъ созерцаніи, безплодно для всего окружающаго. Но точно ли остаются эти силы безплодными?

Точно ли изъ этихъ возвышенныхъ сферъ не проистекаетъ обратное дѣйствіе на жизнь? Точно ли есть такія разобщенныя сферы, которыя бы не оказывали взаимнаго другъ на друга вліянія и не дѣйствовали на всю совокупность человѣческаго сознанія и жизни? Нѣтъ, взаимное дѣйствіе вещей можетъ быть измѣряемо не грубою оцѣнкою поверхностнаго взгляда. Дѣйствіе далеко отходитъ отъ своей причины, и принимаетъ безконечно разнообразные виды и оттѣнки, такъ что отдаленное дѣйствіе, сличенное съ своею первоначальной причиной, часто оказывается вовсе на нее непохожимъ. Самыя, если позволено будетъ такъ выразиться, спеціальныя произведенія искусства не остаются безъ дѣйствія на жизнь, и дѣйствіе ихъ можетъ оказаться тамъ, гдѣ мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? Что оно ни во что еще не переходитъ, ни въ чемъ еще не выражается? Мы же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое пробужденіе народа къ исторической жизни, искусство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая, повидимому,

была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и дневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ-то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни.

Скажите, откуда взялось въ жизни образованныхъ народовъ это изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній? Мы такъ гордимся этими успѣхами гражданственности и съ такимъ ужасомъ озираемся назадъ къ тѣмъ временамъ, когда въ обществѣ еще не чувствовалось присутствіе эстетическаго начала; мы съ такимъ пыломъ готовы на всякую экспедицію для новыхъ завоёваній подъ знаменемъ этой гражданственности, такъ нами цѣнимой! А между тѣмъ изящество жизни впервые выработалось въ тѣхъ умственныхъ сферахъ, которыя казались намъ безплодными, впервые развилось оно въ тѣхъ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, которыя могли казаться совершенно безполезными для жизни. Линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта; но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни; онѣ могущественно содѣйствовали ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина.

Представленія, образы, мысли, все это силы, и весьма дѣйствительныя силы въ человѣческомъ сознаніи. Ничто не прокрадется въ нашихъ мысляхъ безъ дѣйствія, хотя бы въ началѣ и незамѣтнаго. Прекрасные образы и звуки вносятъ съ собою въ сознаніе это начало прекраснаго, ихъ отличающее. Оно не останется только при нихъ, а мало-по-малу пріобрѣтетъ свое отдѣльное значеніе, станетъ особою силою, которая войдетъ въ безчисленныя сочетанія и окажется въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ нравственнаго міра. Но значеніе искусства простирается далѣе, чѣмъ признакъ прекра-

снаго, понимаемый въ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Художественная мысль, какъ и мысль познающая, открываетъ намъ внутренній взоръ на явленія жизни и черезъ то расширяетъ наше сознаніе, сферу нашего умственнаго господства; словомъ, могущественно способствуетъ тому, изъ-за чего мы бьемся въ жизни. Требуйте отъ искусства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и приводила къ общему сознанію все то, что творится и дѣется во мракѣ жизни; требуйте этого, и польза приложится сама собою, польза великая, ибо чего же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе—силу и господство?

Каждый въ мірѣ стоитъ за своимъ дѣломъ, и каждый при томъ служитъ орудіемъ одного великаго общаго дѣла. Честный труженикъ, приводящій въ движеніе тысячи колесъ и пружинъ въ видахъ вещественнаго благосостоянія, необходимаго для нравственнаго процвѣтанія общества, не имѣетъ, можетъ быть, въ кругу своихъ обычныхъ понятій, никакого прямого отношенія къ искусству и поэзіи; скорѣе можетъ показаться онъ живымъ отрицаніемъ всякой поэзіи. Но что бы онъ ни думалъ про себя, и какъ бы даже ни жаловался на безплодность отвлеченныхъ мыслей, все что есть въ его дѣлѣ поистинѣ благороднаго, живого, способнаго къ развитію и ведущаго къ успѣхамъ, это нравственное начало въ его дѣятельности, иногда самому ему не ясное, но согрѣвающее его трудъ, все это связано въ дѣйствительности со многими чисто умственными движеніями, хотя бы и чуждыми его личному сознанію.

Не заставляйте художника браться за «метлу», какъ выразился Пушкинъ въ стихотвореніи «Чернь». Повѣрьте, тутъ-то и мало будетъ пользы отъ него. Пусть, напротивъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло; оставьте ему его «вдохновеніе», его «сладкіе звуки», его «молитвы».

Если только вдохновеніе его будетъ истинно, онъ, не заботьтесь, будетъ полезенъ.

Довѣримся вдохновенію истины и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя, чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе чѣмъ кто нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа и духомъ своего времени, и на немъ неизгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ умахъ, обрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ сознаніи и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе. Творческая мысль дѣйствительно владѣетъ могущественнымъ орудіемъ, и ея слово находитъ вѣрный путь къ сердцамъ; но оно только тогда бываетъ плодотворно, когда является ея свободнымъ и чистымъ выраженіемъ. Она оставляетъ по себѣ богатый запасъ запечатлѣнныхъ ею выраженій, которыя становятся общимъ достояніемъ. Ими пользуется всякій, и слава Богу! Но творческая мысль пусть идетъ далѣе, и открываетъ новые пути, и дѣлаетъ новыя завоеванія. Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразера или доктринера. Фразеръ, это родъ никуда не годный, и объ немъ говорить не стоитъ; доктринеръ — дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше ему дѣйствовать прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества. Поэма, повѣсть, драма, написанныя съ дидактическою или ораторскою цѣлью, часто только вредятъ вызвавшей ихъ мысли. Уму бываетъ въ нихъ душно, и вмѣсто живого дѣла часто производятъ они только томительную апатію. Лишь одинъ родъ поэзіи сближается съ искусствомъ оратора: это лирика, которую нельзя принимать за твердую форму собственно художественной дѣятель-

ности. Лирика можетъ быть во всемъ, даже въ безмолвномъ поступкѣ, и наоборотъ, въ размѣренномъ складѣ летучаго стиха можетъ, болѣе или менѣе удачно, выразиться всякое душевное движеніе.

Источникъ разногласія въ сужденіяхъ весьма часто заключается лишь въ сбивчивости словъ. Формула: «искусство для искусства», можетъ въ самомъ дѣлѣ заключать въ себѣ смыслъ весьма неблагопріятный, и отъ такого смысла должны мы освободить эстетическій законъ, дающій внутреннюю цѣль явленіямъ искусства. Все непріятно-поражающее умъ въ этомъ знаменитомъ выраженіи: «искусство для искусства», заключается въ представленіи, будто художникъ долженъ имѣть своею цѣлью только изящество исполненія, и тутъ мы съ полнымъ правомъ восклицаемъ: нѣтъ! искусство должно имѣть какую-либо болѣе существенную цѣль; пусть оно лучше оставитъ тщеславное притязаніе находить въ самомъ себѣ цѣль для своихъ явленій, и будетъ лишь простымъ и честнымъ орудіемъ для другихъ назначеній, на которыя вызываетъ его жизнь съ своими битвами и стремленіями. Но дѣло въ томъ, что искусство именно тогда-то и будетъ лишено всякой внутренней цѣли, когда художественная дѣятельность будетъ заключаться только въ искусствѣ исполненія; тогда то оно и превратится въ простое средство для достиженія постороннихъ и дѣйствительно суетныхъ цѣлей. Мы видимъ такое искусство во множествѣ литературныхъ явленій, которыхъ все назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы болѣе или менѣе пріятно занимать праздный досугъ читателя. Такое искусство видимъ мы тоже въ явленіяхъ временъ упадка, когда иссякаютъ источники всякой умственной производительности, и когда всѣ стремленія имѣютъ цѣлью только щекотать чувства, поражать эффектомъ и угождать прихотямъ вкуса. Подобныя явленія столь же мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣли искусства, какъ и тѣ,

въ которыхъ мысль прибѣгаетъ къ формамъ художественной дѣятельности для разныхъ практическихъ цѣлей. Хотя явленія этого послѣдняго рода гораздо предпочтительнѣе первыхъ въ нравственномъ отношеніи, но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ истиннаго искусства, ни тамъ ни тутъ не достигается та великая цѣль, въ которой состоитъ его сущность и заключается его необходимость для человѣческаго развитія. Эта цѣль есть сознаніе: *художественное творчество есть дѣятельность мысли, приводящей къ сознанію то, что безъ ея посредства оставалось бы для него чуждымъ и нѣмымъ; дѣятельность мысли, которая вноситъ жизнь въ человѣческое сознаніе и сознаніе въ самыя потаенныя изгибы жизни.*

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что отъ искусства въ чистомъ и существенномъ значеніи его, проистекаетъ великая польза, и мы можемъ спокойно ограничиваться ею, не навязывая художнику никакихъ практическихъ побужденій для дѣятельности. Какое различіе между практическимъ направленіемъ мысли, и направленіемъ теоретическимъ, которое должно господствовать въ художественной дѣятельности? Практически направленная мысль имѣетъ цѣлью непосредственно склонять къ чему нибудь волю, непосредственно побуждать людей къ поступку. Но, чтобы произвести такое дѣйствіе, мы по необходимости должны имѣть въ виду не одну только истину дѣла, а также и всѣ тѣ различныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть рѣшеніе воли, и особенность ея настроенія въ данное время. Большею частію мы бываемъ принуждены обращать все вниманіе лишь на одну сторону предмета, часто должны бываемъ вовсе оставлять предметъ, и всю силу слова устремлять на обстоятельства, совершенно ему постороннія; интересъ истины исчезаетъ; все разсчитывается только на практическое впечатлѣніе. Мы не отрицаемъ необходимости и такого рода дѣятельно-

сти, мы съ радостію привѣтствуемъ ее тамъ, гдѣ она встрѣчается въ достойномъ видѣ; пусть даже пользуется она для своихъ цѣлей художественными формами, но мы не хотимъ, чтобы она вытѣсняла искусство въ его собственномъ значеніи, и ставила себя на его мѣсто. *Искусство, какъ и наука, дѣйствуютъ прежде всего раскрытіемъ предмета въ его истинѣ и потомъ уже предоставляютъ самой истинѣ дѣйствовать на убѣжденія и волю.* Впрочемъ, ограждая самостоятельность искусства, мы съ другой стороны желали бы содѣйствовать къ уничтоженію той исключительности, въ какой иногда понимаютъ художественность и поэзію. Не только не должны онѣ быть связываемы съ какимъ либо особымъ способомъ выраженія, напримѣръ, съ формою стиха, но и вообще съ извѣстными родами произведеній. Художественность и поэзія могутъ сопровождать живую творческую мысль повсюду, какого бы предмета она ни касалась. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, приведемъ «Записки Оренбургскаго ружейнаго охотника» С. Т. Аксакова, или, еще ближе, вышедшую на этихъ дняхъ его же книгу «Семейная Хроника». Это не поэма и не драма: но сколько тутъ поэзіи и какая чистая художественность въ изображеніяхъ!

Самъ художникъ вовсе не есть какое либо особенное существо. Каждый вообще даровитый человѣкъ бываетъ въ извѣстной степени и въ извѣстномъ отношеніи художникомъ, и съ поэтическимъ вдохновеніемъ можетъ быть знакомъ тотъ, кто никогда не писалъ ни стиховъ, ни даже прозы.

Но не ставя художника въ исключительное положеніе и допуская художественное начало въ каждомъ болѣе или менѣе даровитомъ и развитомъ человѣкѣ, мы также считаемъ необходимымъ, чтобы въ художникѣ жилъ и развивался человѣкъ. Въ интересѣ самаго искусства должно требовать, чтобы художникъ былъ раз-

вить и нравственно и умственно. Правда, бываетъ нерѣдко, что вдохновеніе

> ...озаряетъ голову безумца,
> Гуляки празднаго...

и не дается усильному труду; правда, самъ Пушкинъ оставилъ намъ другую искреннюю и печальную исповѣдь:

> Когда не требуетъ поэта
> Къ священной лирѣ Аполлонъ,
> Въ забавахъ суетнаго свѣта
> Онъ малодушно погруженъ.
> Молчитъ его святая лира,
> Душа вкушаетъ хладный сонъ,
> И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
> Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ...

Такъ, это истинно; но мы можемъ утѣшить себя тѣмъ, что это только фактъ, а не законъ. Напротивъ, мы должны убѣдиться, что богатый даръ природы можетъ вполнѣ проявить себя только при условіи высокаго нравственнаго и умственнаго образованія. Пусть вдохновеніе посѣщаетъ блудящимъ огнемъ голову празднаго гуляки; еще вѣрнѣе то, что великое и всемірное можетъ быть произведено только тѣмъ, кто способенъ чувствовать великое и всемірное въ самомъ себѣ.

Давая искусству независимое значеніе, мы не освобождаемъ художника отъ обязанности заботиться о содержаніи своихъ произведеній. Мы согласны, что печать высокой художественности отличаетъ и такія произведенія, которыя предметомъ своимъ имѣютъ самыя ничтожныя явленія жизни; но, какъ бы ни было ничтожно явленіе, мысль должна стоять высоко, чтобы понимать его сущность, и можетъ быть тѣмъ выше должна стоять она, чѣмъ ничтожнѣе постигаемое ею явленіе. Всякое ничтожество можетъ быть художественно воспроизводимо такою мыслію, которая не останавливается на поверхности вещей и способна видѣть каж-

дое явленіе въ его сущности, при свѣтѣ идеи, въ глубокой, обширной и сложной связи, дающей ему интересъ для разумѣнія.

III.

Общее значеніе Пушкина въ нашей литературѣ было давно оцѣнено, и оцѣнено весьма вѣрно. Въ немъ по справедливости видятъ представителя художественнаго начала въ русскомъ словѣ, виновника чистой и истинной поэзіи въ развитіи нашего народнаго сознанія. Противъ такой оцѣнки Пушкина слышались, можетъ быть послышатся и теперь нѣкоторыя возраженія. Не будетъ ли это несправедливостію къ предшественникамъ и современникамъ Пушкина? Были герои и до Агамемнона, были и у насъ поэты и до Пушкина; что же останется для нихъ, когда мы все отдадимъ послѣднему? Не говоря уже о Ломоносовѣ, въ которомъ поэтическая дѣятельность соединялась съ дѣятельностью ученаго и который славился въ исторіи нашего образованія болѣе какъ насадитель науки, нежели какъ поэтъ, что же скажемъ мы о Державинѣ, который въ литературѣ не имѣетъ иного значенія кромѣ значенія поэта? А поэты ближайшіе къ Пушкину, его старѣйшіе современники, Жуковскій и Батюшковъ?

Заслуги предшественниковъ Пушкина ничѣмъ такъ не могутъ быть почтены, какъ признаніемъ всей важности того, что безъ ихъ дѣятельности не могло бы произойти. Пушкинъ былъ наслѣдникомъ ихъ, и оцѣнивая богатство, оставленное имъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣниваемъ и все то, что было ему завѣщано отъ прежнихъ дѣятелей. Не было бы поэзіи Пушкина, если бы ему не предшествовали сильныя дарованія, и полная художественность его произведеній была плодомъ цѣлаго развитія, которымъ наша литература по справедливости можетъ гордиться. Въ прежнихъ поэтахъ, которымъ ни мало не думаемъ отказывать въ этомъ

тителѣ, должно признать болѣе или менѣе успѣшныя стремленія привить художественное начало къ русскому слову; болѣе или менѣе рѣшительныя приближенія къ оригинальной русской поэзіи. Каждый изъ нихъ выражалъ въ своей дѣятельности какое либо особое направленіе, и потому каждый болѣе или менѣе имѣетъ въ исторіи нашего образованія свое самостоятельное значеніе, независимо отъ вопроса о художественности своихъ произведеній.

Сначала обратимъ вниманіе на отношеніе Пушкина къ языку. Довольно простого взгляда, чтобы оцѣнить всю разницу между языкомъ Пушкина и его предшественниковъ. Никакъ не подумаешь, что Пушкинъ началъ свои первые опыты еще при жизни Державина, и еще успѣлъ принять его благословеніе:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И въ гробъ сходя благословилъ.

Читая Пушкина послѣ Державина, чувствуешь уже по одному языку, что находишься въ другой эпохѣ. Времени протекло немного, а черта раздѣленія эпохъ уже такъ явственно, такъ рѣзко обозначилась!

Конечно, главная заслуга въ преобразованіи литературнаго языка оказана не столько Пушкинымъ, сколько Карамзинымъ. Сверхъ того, и самую славу созданія новаго стиха Пушкинъ раздѣляетъ со многими другими своими старѣйшими современниками, особенно съ Жуковскимъ, котораго имя неразрывно связано съ именемъ Пушкина. Когда такимъ образомъ начнемъ изучать ходъ нашей литературы во всей его постепенности, обращая вниманіе на всѣ посредствующія явленія, то не будемъ болѣе дивиться рѣзкимъ и внезапнымъ смѣнамъ эпохъ. Намъ станетъ понятно происхожденіе новаго; но явленія, въ которыхъ это новое раскрылось во всей своей силѣ, возбуждаютъ въ насъ не меньшее удивленіе. Одинъ изъ великихъ мыслите-

лей древности сказалъ, что знаніе есть врагъ удивленію и что кто понимаетъ происхожденіе дѣла, тотъ уже болѣе не удивляется; прибавимъ: не удивляется происхожденію дѣла, но можетъ удивляться самому дѣлу въ его полномъ проявленіи. Мы можемъ вполнѣ знать силу элементовъ, изъ которыхъ рождается вещь, но тѣмъ не менѣе ея живое появленіе поражаетъ насъ какъ нѣчто новое и неожиданное. Поэзія Пушкина, въ своихъ зрѣлыхъ произведеніяхъ, именно поражаетъ насъ такою неожиданностію, хотя мы можемъ со всею постепенностію различать и оцѣнять все, что приготовило и достойно сопровождало ея развитіе.

Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли къ окончательному равновѣсію всѣ стихіи русской рѣчи. То, что теперь называемъ мы русскимъ языкомъ есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе церковно-славянское. Но менѣе извѣстно то, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго, которое долгое время не знало письменности, и лишь въ болѣе позднюю эпоху стало появляться въ памятникахъ, не имѣющихъ литературнаго значенія, преимущественно юридическихъ; мы говоримъ: менѣе извѣстно, потому что хотя различіе между церковно-славянскимъ языкомъ и языкомъ народнымъ чувствуется всѣми, и хотя теперь едва ли кто объясняетъ себѣ эту разницу измѣненіями времени, едва ли кто видитъ въ церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ славянскихъ нарѣчій церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ русскимъ; по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства. Вотъ почему литературный русскій языкъ, слившійся изъ этихъ двухъ главныхъ стихій, долгое время представлялъ собою нестройное

броженіе. Къ этимъ двумъ кореннымъ стихіямъ присоединяются въ позднѣйшее время вліяніе классической грамматики, внесенной въ нашъ языкъ Ломоносовымъ и служащей основаніемъ всѣхъ образованныхъ языковъ; наконецъ, вліянія новѣйшихъ европейскихъ литературъ.

Изящество рѣчи Пушкина вышло не изъ хаоса. Хаосъ прекратился до него, и уже до него возникъ стройный и правильный порядокъ. Но въ дѣятельности нашего поэта окончилось развитіе этого порядка, въ ней, наконецъ, успокоился внутренній трудъ образованія языка, въ Пушкинѣ творческая мысль заключила рядъ своихъ завоеваній въ этой области, раздѣлалась съ нею, и освободилась для новыхъ задачъ, для иной дѣятельности. Настоящій рускій языкъ есть уже языкъ совершенно создавшійся, принявшій всѣ впечатлѣнія образующей силы, и дающій полную возможность для всякаго умственнаго развитія. Великое дѣло, въ жизни народа, установившійся литературный языкъ. Ничѣмъ такъ не скрѣпляется народное единство, какъ образованіемъ литературнаго языка. Пока еще шло это дѣло образованія, мы въ семьѣ историческихъ народовъ казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дѣло это совершилось, русская мысль находитъ въ себѣ внутреннюю силу для оригинальнаго живого движенія, и народная физіономія выясняется изъ тумана.

Вспомните, какой интересъ господствовалъ въ нашей литературѣ не такъ давно, лѣтъ за сорокъ и даже за тридцать предъ симъ. Всѣ помышляли только о слогѣ. Дарованія истощали себѣ на устроеніе складной фразы или гладкаго стиха. Интересъ мысли былъ дѣломъ второстепеннымъ; умы были заняты только искусствомъ выраженія. Мысль схватывалась, гдѣ попало, и никто не заботился объ ея оригинальности. Всѣ роды умственной дѣятельности поглащались словесностью; кто бы

чѣмъ ни занимался, все выходило занятіемъ словесностью, чищеніемъ слога, подборомъ прилагательныхъ и ихъ болѣе чувствительнымъ или болѣе торжественнымъ размѣщеніемъ. Въ великихъ умахъ, какъ замѣтили мы выше, трудъ надъ языкомъ былъ дѣломъ важнымъ и существеннымъ; къ тому же они имѣли столько силъ, что могли посвящать свою мысль еще и другимъ цѣлямъ. Такъ знаменитое твореніе Карамзина, будучи вѣковѣчнымъ памятникомъ созрѣвшаго языка, имѣетъ неотъемлемое значеніе, какъ первая книга народнаго самопознанія, какъ первый зрѣлый плодъ русской науки. Но указанные выше признаки того времени не теряютъ отъ того своей силы. Мы можемъ и теперь еще встрѣтить въ литературѣ нѣкоторыхъ отсталыхъ орловъ того времени. Они и теперь все тѣже блюстители чистоты и правильности языка, какъ они себя чествуютъ; все тѣ же у нихъ пріемы, та же критика, которая не видитъ ничего далѣе слога и мѣряетъ всякое умственное дѣло грамматикой и реторикой. Но, что было въ свое время естественнымъ и законнымъ, то является теперь дикою и смѣшною аномаліею. Печально раздаются эти запоздавшіе голоса отжившаго времени. Это уже не тѣ добрые, не безъ пользы трудившіеся, почтенные любители словесности стараго времени; это ярые противники всякой живой мысли, всего, что носитъ на себѣ отпечатокъ умственной дѣятельности, имъ непонятной и чуждой. Въ отношеніи же къ языку, нынѣшніе его блюстители совершенно безполезны: безполезны потому, что русскій языкъ, слава Богу! окончательно образовался и не нуждается ни въ какихъ блюстителяхъ. Писатели, которые въ настоящее время грѣшатъ противъ духа и законовъ языка, вредятъ только своей мысли; языку же вредитъ отнюдь не могутъ, и заботы объ немъ совершенно излишни.

Но возвратимся къ дѣлу. Пушкинъ имѣлъ полное право сказать о себѣ;

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

Множество разнообразныхъ племенъ, населяющихъ наше отечество, должны вполнѣ, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, какъ подчинены они теперь Россійскому государству. Для этихъ племенъ русская народность есть единственный путь къ человѣческому образованію, и они «назовутъ имя Пушкина». Пушкинъ, какъ видимъ, самъ чувствовалъ свое великое значеніе; онъ чувствовалъ, что геніемъ его завершенъ рядъ славныхъ усилій, которыя дали русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія.

Первый и главный признакъ полнаго равновѣсія, въ какое поэзія Пушкина привела всѣ стихіи русской рѣчи, видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній. Въ ней не осталось и слѣда той дикой застѣнчивости, съ какою реченія и формы различныхъ слоевъ языка отказывались бывало вступать въ близкую связь и служить выраженіемъ одной и той же мысли. Нѣтъ болѣе общихъ и внѣшнихъ, предназначенныхъ для мысли стилей; развитіе ея можетъ происходить лишь по внутреннимъ своимъ стремленіямъ, не стѣсняясь и не руководствуясь никакими посторонними для нея соображеніями; она можетъ соединять въ себѣ самыя противоположные оттѣнки языка, создавать свой собственный слогъ, запечатлѣнный ея внутреннимъ свойствомъ, ея особеннымъ типомъ. Такое движеніе мысли по всѣмъ слоямъ языка съ ровною легкостію, показываетъ, что борьба между стихіями языка прекратилась, что всякая напряженность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ исчезла, что все разнородное совмѣстилось, и что настала пора внутренняго развитія мысли, которому языкъ служитъ только органомъ, не занимая, не развлекая, не стѣсняя ея своею неурядицей.

У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслію, какъ ея собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всѣми языками равно признанное выраженіе.

Не должно думать, что образованіе нашего языка требовало изгнанія какой либой изъ стихій его, и что оно состоитъ въ исключительномъ господствѣ той рѣчи, которая была собственностью туземныхъ славянскихъ племенъ, составившихъ впослѣдствіи русскій народъ, той рѣчи, которую мы обыкновенно называемъ народною, въ противоположность церковно-славянской и книжной. Какъ эти племена въ первоначальную пору не были еще русскимъ народомъ, и народъ русскій образовался вслѣдствіе цѣлой исторіи, принявшей въ свой процессъ многіе разнородные элементы; такъ и русскій языкъ не состоитъ преимущественно въ той первоначальной племенной, теперь простонародной рѣчи, а столько же состоитъ и въ стихіи церковно-славянской, или лучше сказать не состоитъ ни въ той ни въ другой, а есть нѣчто новое, среднее, нѣчто происшедшее отъ ихъ соединенія, при многихъ другихъ историческихъ вліяніяхъ.

Благодаря освобожденію своему отъ разнородныхъ стихій языка, мысль получаетъ возможность пользоваться особенностью каждаго реченія и каждаго оборота рѣчи, и вслѣдствіе того становится способною сохранять въ выраженіи всю оригинальность и жизненность своего развитія, отпечатлѣваясь всѣми своими сторонами и вызывая всѣ сродныя ей настроенія, распространяющія ея дѣйствіе до глубины души. Въ этомъ состоитъ свойство поэтической рѣчи, которая въ своемъ теченіи касается множества струнъ, пробуждаетъ тысячу ощущеній, мѣрно смѣняющихъ одно другое, и своею послѣдовательностію или своимъ совокупнымъ впечатлѣніемъ выражающихъ поэтическую мысль.

Благодаря установившейся организаціи языка, въ немъ внятно слышится живая сила его духа, и творческая мысль пріобрѣтаетъ возможность сознательно договаривать то, что еще не вполнѣ высказалось въ языкѣ, создавать обороты и реченія, которыя таятся въ началахъ и ждутъ только движенія сродной имъ мысли, чтобы явиться къ дѣлу. Инстинктъ языка становится сознательною силою.

Скажемъ еще разъ мы не преувеличиваемъ значенія Пушкина; мы не хотимъ сказать, чтобы онъ былъ виновникомъ этой эпохи въ развитіи нашего народнаго сознанія. Но мы имѣемъ полное право сказать, что онъ былъ первымъ полнымъ ея явленіемъ, что въ немъ впервые со всею энергіею почувствовалась жизнь въ русскомъ словѣ и самобытность въ русской мысли.

Оттого-то такъ радостно и весело раздались пѣсни Пушкина. Съ неописаннымъ восторгомъ внимали всѣ этому потоку свободныхъ, легкихъ и сладкихъ звуковъ. Въ нашей литературѣ дохнуло тогда весною. Какъ все пробудилось, какъ закипѣло, какъ все обрадовалось жизни!

Въ этихъ свѣжихъ весеннихъ пѣсняхъ впервые заговорила по-русски самородная и чистая поэзія. Если стихъ Пушкина такъ разительно отличается отъ явленій предшествовавшаго времени, по отношенію къ языку, то еще болѣе отличается отъ нихъ по характеру мысли и изображеній.

Мы попробуемъ, тщательнымъ анализомъ, показать силу этого различія и тѣмъ пояснить себѣ въ живомъ примѣрѣ сущность художественнаго начала.

IV.

Случалось ли вамъ испытывать то тягостное состояніе, когда сердце упорно безмолвствуетъ на призывъ когда-то милый, когда-то всевластный? то состояніе мучительной борьбы между дорогимъ воспоминаніемъ, ме-

жду требованіемъ сердечной совѣсти, и безсиліемъ сердца отвѣчать живымъ біеніемъ на это требованіе, почувствовать въ настоящемъ то, что прошло для него невозвратно, и утратило живую связь съ нимъ? Былое просится къ намъ въ душу, но пути его заросли и забыты, и призывный голосъ будитъ только воспоминаніе, и слезами нашими искренно плачетъ только жалость, что сердце не хочетъ плакать? Вотъ случай жизни. Его, повторимъ, могъ испытать каждый, и многіе могли про себя сознавать его. Но является поэтъ, и эту исповѣдь сердца возводитъ онъ до общаго сознанія; темное и глухое дѣло жизни становится свободнымъ представленіемъ. Онъ находитъ средство такъ выразить особый случай жизни, что въ душѣ каждаго произойдетъ подобіе такого состоянія. Можно было бы высказать это явленіе души, какъ общій фактъ, можно было бы сказать, какъ сказано нами выше, что то-то и такъ-то бываетъ. Но Пушкинъ беретъ одинъ случай изъ жизни, и изображая его, высказываетъ общій смыслъ этого явленія:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? увы! Въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

Дѣйствіемъ этихъ стиховъ въ душѣ нашей изображается, во всей своей особенности, случай жизни, сла-

гается подобіе того состоянія, на которомъ онъ основанъ; мы испытываемъ то же, что испытываетъ человѣкъ, дѣйствительно бывшій въ подобномъ состояніи, но испытываемъ не въ самой жизни, а въ воображеніи, въ созерцаніи, въ представленія. Наше отношеніе къ факту, воспроизведенному искусствомъ, есть отношеніе теоретическое, то самое отношеніе, какое составляетъ сущность знанія. Творчествомъ поэта тяжкая тайна сердца возводится въ свободную сферу созерцанія.

Мы можемъ со всею энергіею чувствовать изображенное здѣсь состояніе, но тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ его не какъ нѣчто дѣйствительно съ нами происходящее; мы получаемъ не связь общихъ представленій, а явленіе жизни во всей его индивидуальности, во всей такъ сказать его личности; мы испытываемъ его жизнь, но не въ самой жизни, а въ изображеніи,—и ничѣмъ инымъ, какъ только дѣйствіемъ художественнаго изображенія, случайное явленіе дѣйствительности пріобрѣтаетъ общее значеніе. Въ художественномъ изображеніи заключается эта тайна, чарующаго соединенія безконечной особенности и случайности явленія съ общимъ, существеннымъ значеніемъ.

Въ чемъ же состоитъ общій смыслъ изображенія? Въ его истинѣ. Всѣ черты изображенія дышатъ этой истиной; частный случай становится его прозрачнымъ выраженіемъ. Художникъ уловилъ въ случаѣ его сущность, и каждое слово, каждая потребность имѣетъ въ цѣломъ свою силу. На этомъ маленькомъ стихотвореніи, приведенномъ нами для анализа, мы можемъ испробовать всѣ главные эстетическіе законы. Въ этомъ примѣрѣ мы можемъ элементарно почувствовать, что значитъ отвлеченная формула, говорящая о воплощеніи идеи въ опредѣленной формѣ, о томъ, что художникъ представляетъ мысль въ образахъ, о сліяніи въ его творчествѣ безконечнаго съ конечнымъ и т. п. Повторивъ этотъ анализъ на многихъ подобныхъ примѣрахъ,

мы будемъ внѣ опасности потеряться въ отвлеченности формулъ и будемъ понимать дѣло въ самомъ дѣлѣ. Но возвратимся къ нашему стихотворенію.

Дѣйствительно ли былъ этотъ случай съ Пушкинымъ, какъ онъ изображенъ въ приведенномъ стихотвореніи, или онъ родился въ воображеніи поэта, этого рѣшить мы не можемъ, хотя по нѣкоторымъ указаніямъ г. Анненкова можно положительно заключать, что это точно быль сердца. Предположимъ однако, что именно этого случая не было съ нимъ: истина стихотворенія, его очарованіе отъ того нисколько не уменьшится. Это очарованіе состоитъ только въ томъ, что въ душѣ нашей изображается совершенно индивидуальное состояніе, вызывается живое чувство со всею опредѣленностію своего настроенія, вся его музыка, какъ предметъ внутренняго вниманія. Очевидно, что произведеніе поэта будетъ тѣмъ выше въ художественномъ отношеніи, чѣмъ дѣйствительнѣе будетъ его слово, то-есть чѣмъ живѣе, опредѣленнѣе, индивидуальнѣе образъ. Надобно, чтобы явленіе, изображаемое поэтомъ, казалось произведеніемъ не отвлеченной мысли, а дѣйствительности; надобно, чтобы оно совершенно свободно выражало свою идею, чтобы каждая черта его, взятая порознь, была совершенно случайна, и чтобы только въ своемъ совокупномъ впечатлѣніи всѣ эти случайности становились существеннымъ выраженіемъ своей истины. Она могла бы умереть не подъ голубымъ небомъ своей родины, могъ бы умереть кто либо другой, могло бы наконецъ вовсе не быть рѣчи о смерти: для общаго смысла, который можемъ мы извлечь изъ приведеннаго стихотворенія, это было бы дѣломъ совершенно случайнымъ, и именно въ этой-то внѣшней случайности состоитъ художественное очарованіе приведенной піески. Только жизнь можетъ вызвать наше участіе, только живое можемъ мы чувствовать, а чтобы узнать живое надобно его почувствовать. Чѣмъ, повидимому, случайнѣе предметъ по-

этическаго изображенія, чѣмъ оно индивидуальнѣе, тѣмъ глубже простирается его дѣйствіе, тѣмъ оно выше въ художественномъ отношеніи, тѣмъ плодотворнѣе, и, если хотите тѣмъ полезнѣе, потому что оно несетъ съ собою въ эти глубины свѣтъ сознанія и покоряетъ идеѣ случайныя явленія дѣйствительности. Послѣ этого небольшого анализа мы скажемъ уже не пустую фразу, говоря, что Пушкинъ внесъ въ наше образованіе начало художественное, начало чистой поэзіи. Мы можемъ теперь передать смыслъ этой фразы другими, болѣе ясными словами: Пушкинъ, можемъ мы сказать, впервые въ исторіи нашего умственнаго образованія коснулся того, что составляетъ основу жизни, коснулся индивидуальнаго, личнаго существованія. Русское слово въ лицѣ Пушкина, нашло путь къ жизни и пріобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ. До него поэзія была дѣломъ школы; послѣ него она стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ. Потому-то Пушкина и назвали первымъ народнымъ поэтомъ нашимъ. Онъ былъ дѣйствительно народнымъ поэтомъ, хотя не въ томъ смыслѣ, что бралъ предметы для своихъ произведеній изъ среды, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ народной. Пушкинъ, какъ извѣстно, въ этомъ смыслѣ не народенъ. Общій инстинктъ называлъ его народнымъ потому, что въ немъ съ особенною силой почувствовалось живое и оригинальное движеніе мысли въ русскомъ словѣ.

Вотъ еще стихотвореніе, которое имѣетъ въ себѣ нѣчто родственное съ приведеннымъ, хотя и отдѣляется отъ него значительнымъ промежуткомъ времени: первое относится къ 1825 или 1826 году, а то, которое мы выписываемъ здѣсь, къ 1830:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ надъ тобой.

Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно—голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды —
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой.

Въ чемъ заключается невыразимое очарованіе этого стихотворенія? Въ индивидуальности минуты, въ немъ изображенной. Оно дышитъ чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то совершенно особеннымъ. Эта минута есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто до безконечности оригинальное, въ этихъ немногихъ строкахъ цѣлая повѣсть. Читая ихъ, вы чувствуете, какъ на душѣ вашей слагается это полное мгновеніе, которое вы потомъ отличите отъ тысячи другихъ. Вы никогда не забудете этого настроенія. Поэзія овладѣла этою минутою и принесла ее въ даръ общему сознанію. Для мысли нашей нѣтъ большей радости, какъ выйдти изъ своего одиночества и найтись въ жизни, и чѣмъ индивидуальнѣе, чѣмъ особеннѣе предметъ сознанія, тѣмъ глубже наше наслажденіе. На этомъ-то чувствѣ индивидуальности и основано очарованіе искусства.

Намъ скажутъ: что же за важность въ нашихъ личныхъ состояніяхъ? и за чѣмъ прибѣгать для этого къ поэзіи, когда мы въ жизни можемъ сколько угодно даромъ наслаждаться ихъ сознаніемъ? Все замѣчатель-

ное, что съ нами бываетъ и что происходитъ въ насъ, сопровождается болѣе или менѣе своимъ сознаніемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что все въ жизни сопровождается *своимъ* сознаніемъ, и каждый человѣкъ имѣетъ *свое* сознаніе. Такое частное, личное сознаніе не достаточно: оно невольная принадлежность жизни и ничѣмъ отъ нея не отличается. Оно не умѣетъ высказаться. Вотъ внезапное горе постигло человѣка: подхватите слово, которое вырвется у него невольно. Рядъ междометій или хотя бы и болѣе знаменательныхъ словъ, хотя бы, наконецъ, цѣлый потокъ краснорѣчія, обыкновенно представляютъ самый неопредѣленный смыслъ, простое общее мѣсто. Они сами принадлежатъ къ тому состоянію, которое ихъ вызвало, и необходимо другого рода сознаніе, чтобы уразумѣть или изобразить это состояніе. Такое сознаніе есть дѣло свободной мысли, которая раскрывается въ томъ, что мы называемъ просто знаніемъ, а также въ искусствѣ и поэзіи; такое сознаніе есть общая сила, властвующая надъ отдѣльными умами, и служащая средою для ихъ сближенія. Все развитіе, все образованіе совершается въ этомъ общемъ сознаніи и черезъ него. Говорятъ, что художникъ выражаетъ какую-либо общую мысль въ образахъ. Это выраженіе не совсѣмъ точно и можетъ быть невѣрно понято. Иногда, дѣйствительно, общій смыслъ дѣла ясно обнаруживается въ художественномъ произведеніи, какъ, напримѣръ, въ первой приведенной нами піесѣ Пушкина; но иногда бываетъ почти невозможно перевести поэтическую прелесть изображенія на языкъ отвлеченныхъ понятій. Такъ, напримѣръ, просимъ попробовать это на стихотвореніи «Для береговъ отчизны дальной». Безъ сомнѣнія, тутъ есть идея; но извлечь ее изъ этихъ звуковъ и образовъ трудно, не разрушая ихъ очарованій. Есть идея въ прекрасномъ человѣческомъ лицѣ, есть идея въ прекрасномъ пейзажѣ, но какъ выразите вы эту идею отвлеченными понятіями, общими словами?

Художникъ уловляетъ ее въ своемъ изображеніи. Художественное изображеніе явленій жизни, возводя ихъ въ общее сознаніе, тѣмъ самымъ даетъ имъ общее значеніе. Идея не состоитъ непремѣнно въ отвлеченныхъ формулахъ или сентенціяхъ. Жизнь и живое сознаніе, вотъ гдѣ находитъ идея свое глубочайшее выраженіе. Піеса Пушкина, которая такъ крѣпко замкнута въ себѣ, такъ упорно противится анализу, тѣмъ не менѣе проникнута идеальнымъ значеніемъ. Откуда же и самая глубина производимаго ею впечатлѣнія, которое сотрясаетъ столько струнъ въ душѣ, возбуждаетъ въ ней столько движеній? Откуда и это единство, эта гармонія, откуда сліяніе всѣхъ этихъ звуковъ, всѣхъ этихъ душевныхъ движеній, въ одно цѣльное настроеніе, въ одну рѣчь, понятную всякой живой и разумѣющей душѣ? Каждое слово въ этомъ стихотвореніи дѣйствуетъ на душу и могущественно вызываетъ изъ сердечной глубины всѣ тѣ тонкія чувствованія, которыя въ своемъ сліяніи изображаютъ идею стихотворенія. Вдали, какъ основа картины, чувствуется благодатный край юга, край жизни и любви. Съ этимъ яркимъ аккордомъ сливается мысль о печальной странѣ изгнанія, и посреди этого общаго настроенія разыгрывается сцена.... Поэтъ не ограничился простымъ извѣщеніемъ о своемъ чувствѣ, онъ передалъ всю особенность его проявленія, и передалъ двумя тремя чертами, которыя представили намъ живой образъ, проникнутый всею силою «печальнаго» мгновенія. Какъ сильно дѣйствуютъ эти простыя слова: «я долго плакалъ предъ тобой»! Какая истина въ этомъ движеніи хладѣющихъ рукъ, въ этомъ стонѣ, умоляющемъ продлить томительную минуту разставанія! Какъ слышится, въ поэзіи этой сцены, присутствіе нѣжнаго, милаго женскаго существа! Ни одною чертою не обозначенъ ея образъ, но онъ невольно чувствуется вами. Какъ хорошо и какъ кстати, что именно *она* прерываетъ «это

страшное томленіе разлуки»! Женскому чувству особенно свойственно хранить мѣру въ самомъ увлеченіи; женскому чувству сроднѣе, чѣмъ мужскому, остановиться въ порывѣ и замкнуться въ самоотреченіи или въ надеждѣ. Какою тихою прелестью звучатъ въ ея устахъ слова утѣшенія и надежды! Надежды не сбылись, она умерла подъ голубымъ небомъ своей родины, и прощальныя слова поэта запечатлѣны чудною нѣжностію и вмѣстѣ важностію. При строгой мысли о смерти, чувство поэта помнитъ еще объ обѣщанномъ поцѣлуѣ свиданія; это нѣжное чувство устояло передъ скорбною торжественностію минуты. Бѣдное сердце человѣческое не потерялось, не отреклось отъ своихъ правъ и предъ зіяющею бездною смерти. Однако мы не можемъ вовсе уклониться отъ вопроса, въ чемъ же состоитъ идея этого стихотворенія? что даетъ ему внутренній и существенный интересъ? Вопросъ этотъ тѣмъ настоятельнѣе, что выбранное нами стихотвореніе служитъ характеристическимъ образчикомъ поэзіи Пушкина.

Конечно, было бы нелѣпо переводить живую лирическую піеску на языкъ отвлеченныхъ сентенцій подъ видомъ раскрытія ея идеи, и умерщвлять поэзію подъ предлогомъ объясненія ея смысла. Но очень можно и должно показать, подъ какимъ небомъ распустился благоухающій цвѣтокъ, изъ какой почвы произошла прелесть его красокъ. Всеобщее начало отражается въ отдѣльной піескѣ, и слѣдуя скромнымъ путемъ наведенія, мы отъ малаго примѣра можемъ сдѣлать заключеніе къ той системѣ сознанія, которая была внесена въ наше образованіе поэзіей Пушкина. Небольшая разсмотрѣнная нами піеска, вмѣстѣ съ другими родственными ей звуками лиры Пушкина, есть выраженіе великой идеи, идеи, для которой много работала исторія. Эта идея человѣческой личности, это права человѣческаго сердца. Звуками Пушкина предъявлены были эти права въ нашемъ общественномъ

сознанія; его поэзіей, преимущественно, эта идея была усвоена русской жизни. Не удивляйтесь, что мы коснулись такого тяжелаго вопроса, по поводу такой легкой вещицы, такого мелкаго стихотворенія, или хотя бы цѣлаго ряда такихъ стихотвореній,—подумайте, что и ничтожный цвѣтокъ, который вы бросаете, подышавъ его запахомъ, есть произведеніе многихъ великихъ силъ природы, что онъ свидѣтельствуетъ также о цѣлой системѣ зиждительныхъ началъ и о великой подземной работѣ.

Все человѣческое, и сердце человѣческое, какъ глубочайшая основа жизни, имѣетъ свои безсмертныя права и свою великую цѣнность. Но была нужна цѣлая исторія, чтобы эти права пріобрѣли силу въ сознаніи и жизни, чтобы эта цѣнность достигла всеобщаго признанія. Никакое общественное состояніе не можетъ быть удовлетворительно, въ которомъ не признана вполнѣ и свято человѣческая личность, никакое дѣло не можетъ имѣть полнаго человѣческаго достоинства, если не запечатлѣно нравственною свободою лица, если не коренится въ убѣжденіяхъ сердца. И вотъ за многими великими идеями, которыя осуществляются въ историческомъ движеніи общества, приходитъ чередъ и до признанія личности человѣческой, какъ самостоятельной силы, до признанія правъ человѣческаго сердца, до признанія его интересовъ въ нихъ самихъ, безъ отношенія ко всему иному, что можетъ направлять ихъ въ разныя стороны и давать имъ еще особую цѣнность. Если самостоятельность личнаго существованія необходима для общества, то она прежде чѣмъ проявить себя въ общественныхъ направленіяхъ, должна быть признана безотносительно и безкорыстно. Съ признаніемъ правъ человѣческой личности вообще, нераздѣльно и признаніе женщины. Безъ женщины не можетъ быть истинно-человѣческаго общества; безъ женской стихіи не можетъ быть истинно-человѣческой жизни и истинно-человѣческаго сердца.

Здѣсь красота и поэзія жизни, въ тѣснѣйшемъ значеніи этихъ словъ, и ни чѣмъ въ мірѣ нельзя замѣнить эту стихію тамъ, гдѣ ея недостаетъ.

Развитіе и образованіе не создаютъ сердца. Личность человѣческая существуетъ и тамъ, гдѣ права ея признаны. Нѣжные звуки любви слышатся намъ и въ безыскусственной пѣсни простыхъ дѣтей природы. Но дѣло не въ этомъ: дѣло въ томъ, чтобы *существующее* было понято какъ нѣчто *существенное*, какъ начало, какъ право.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ общественнаго образованія у насъ было освобожденіе женщины изъ домашняго заключенія. Преобразователь Россіи, съ свойственною ему пылкостію и энергіею, принудительно требовалъ появленія женщинъ въ учрежденныхъ имъ ассамблеяхъ. Но прошло болѣе столѣтія прежде чѣмъ общественное сознаніе могло раскрыться для принятія того начала, которое грубо знаменуется этимъ фактомъ. Иноземными вліяніями вносились въ умы представленія, вытекавшія изъ обще-человѣческаго образованія; но они были мертвою реторикою въ нашей словесности. Справедливо была замѣчена, въ ходѣ нашего образованія, историческая важность легкихъ произведеній Карамзина, его сентиментальныхъ стихотвореній, его «Лизина пруда». Еще болѣе важности имѣлъ въ этомъ отношеніи Жуковскій. Но все это носило болѣе или менѣе подражательный характеръ, все это лишено было художественной силы; все это было или призраки, блѣдныя тѣни, или общія мѣста; все это было только выраженіемъ потребности, но не было ея удовлетвореніемъ.

Сравните, чтобы не ходить далеко, приведенныя нами стихотворенія Пушкина со всѣмъ, что въ этомъ родѣ было писано до него, со всѣми Темирами, Плѣнирами и т. п. Между тѣмъ и другимъ цѣлая бездна. Вы смѣетесь, читая какое-нибудь изъ сентиментальныхъ стихотвореній стараго времени, но оно писано не для смѣха;

очень можетъ быть, что чувствительный поэтъ точно орошалъ слезами струны своей лиры; можетъ быть онъ и дѣйствительно что-нибудь чувствовалъ, и въ его воображеніи точно носился образъ Плѣниры. Но стихотвореніе не имѣетъ никакой силы; оно не производитъ въ душѣ ничего опредѣленнаго, ничего не изображаетъ, между тѣмъ какъ произведеніе художественное заключаетъ въ себѣ силу, изображающую въ душѣ нѣчто особенное. Стихотворенія, лишенныя художественнаго достоинства (какихъ, впрочемъ, есть много и у самого Пушкина), значатъ что нибудь только въ совокупности, въ массѣ, какъ выраженіе какого-нибудь интереса, возникающаго въ общественномъ сознаніи, или какъ общая характеристика времени, или, наконецъ, по техникѣ, по языку; но каждое изъ нихъ, взятое отдѣльно, ничего не выражаетъ и ничего не значитъ. Такого рода произведенія блѣднѣютъ и исчезаютъ съ теченіемъ времени. Произведеніе же художественное не умираетъ, какъ бы ни казалось оно незначительнымъ по своему объему и даже по содержанію. Оно и не старѣетъ, и стихъ поэта, отдаленнаго отъ насъ тысячелѣтіями, звучитъ въ душѣ такъ же свѣжо, какъ и въ свое время; а это потому, что въ немъ заключена сила, заставляющая насъ почувствовать нѣчто особое, нѣчто свое, сила, дѣйствующая на душу всякаго развитого человѣка, въ комъ есть элементы, необходимые для образованія психическихъ сочетаній, которыхъ требуетъ идея художника.

Итакъ, если признаніе правъ человѣческаго сердца было и у насъ давнею потребностію, то полное удовлетвореніе себѣ нашла она впервые въ поэзіи Пушкина. Вотъ главная идея его поэзіи, существенное значеніе его лирики, и вотъ истина, которая утверждена была въ общественномъ сознаніи.

V.

Не все, оставленное намъ Пушкинымъ, имѣетъ равное достоинство; есть многое въ его произведеніяхъ, что имѣетъ интересъ только по отношенію къ языку, и что даже вовсе не имѣетъ интереса. Такъ, напримѣръ, мы всегда съ непріятнымъ чувствомъ перелистываемъ, въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина, большую часть его лицейскихъ стихотвореній. Намъ пришлось бы, можетъ быть, поспорить по этому поводу съ почтеннымъ издателемъ сочиненій Пушкина. Намъ кажется, что дѣтскіе опыты Пушкина не заслуживали бы мѣста на ряду съ произведеніями, составляющими его славу и богатство русской литературы. Мало ли что могло быть написано великимъ поэтомъ, не только въ школьные годы, но даже и въ зрѣлую пору жизни? Только поистинѣ достойное должно, по нашему мнѣнію, войти въ собраніе, хотя бы и полное, сочиненій писателя; все же прочее могло бы найти себѣ мѣсто или въ матеріалахъ его біографіи, или въ особомъ приложеніи. Но мы не будемъ настаивать на этомъ мнѣніи, и не хотимъ спорить о такомъ несущественномъ пунктѣ съ издателемъ, который вдумывался въ планъ своего предпріятія, и вѣроятно на какомъ-нибудь основаніи рѣшился поступить такъ, а не иначе.

По особенной природѣ своего генія, Пушкинъ былъ поэтъ мгновенія. Его даръ состоялъ въ изображеніи отдѣльныхъ состояній души, отдѣльныхъ положеній жизни. Онъ воспроизводилъ движенія сердца во всей полнотѣ жизни и истины; основное настроеніе даннаго момента умѣлъ онъ возводить до типическаго выраженія. Но не было въ его дарованіи переходить въ непрерываемомъ развитіи отъ положенія къ положенію, и изъ одного момента выводить другой. Напрасно стали бы мы искать у Пушкина полныхъ характеровъ: лица,

выводимыя имъ, большею частію исчезаютъ въ поэзіи отдѣльныхъ мгновеній, или служать только внѣшнею связью, соединяющею различныя положенія жизни. Пушкинъ не обладалъ даромъ созерцать въ единствѣ многообразіе явленій; для него все сосредоточивалось въ отдѣльномъ моментѣ. Исчерпавъ одно, онъ обращался къ другому, и въ цѣломъ ходѣ его повѣствованія или драматическаго движенія рѣдко мы усматриваемъ внутреннюю послѣдовательность. Цѣлое всегда распадается у него на отдѣльныя положенія и сцены, но такъ, однако, что каждая часть представляетъ собою нѣчто относительно цѣльное. Вспомнимъ, какъ любилъ Пушкинъ форму драматическихъ сценъ, изъ которыхъ, по самому свойству его природы, не развивалось полнаго драматическаго движенія, но въ которыхъ тѣмъ не менѣе, съ удивительною полнотою и силою, изображаются часто довольно сложныя отношенія, раскрывается съ художественною истиною психическое состояніе, и со всею индивидуальностію изображается положеніе жизни. Таковы «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Русалка» и др. Единственное полное драматическое произведеніе Пушкина «Борисъ Годуновъ» въ сущности вовсе не есть драма, а представляетъ собою только рядъ внѣшнимъ образомъ связанныхъ между собою сценъ. Но зато эти отдѣльныя сцены отличаются удивительною художественностію. Что видимъ въ произведеніяхъ драматической формы, то находимъ и въ повѣствовательныхъ произведеніяхъ Пушкина. Вездѣ отдѣльные моменты, изображенія отдѣльныхъ положеній, нигдѣ нѣтъ послѣдовательнаго развитія. Либо цѣлое распадается на эпизоды, и повѣствованіе служитъ только нитью, на которой нанизывается великолѣпный рядъ картинъ, очерковъ, образовъ, лирическихъ мѣстъ. Таковъ «Евгеній Онѣгинъ», любимое дитя фантазіи Пушкина, и дѣйствительно самое полное выраженіе всѣхъ особенно-

стей его генія; такой же характеръ имѣютъ «Русланъ и Людмила», «Полтава». Либо вся поэма представляетъ собою одно какое-либо положеніе, богато обставленное разнообразными подробностями. Таковы: «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганы», «Мѣдный Всадникъ» и пр. Либо поэтъ, замысливъ цѣлое, остается при началѣ или при какомъ-нибудь отрывкѣ изъ замышленнаго повѣствованія; замыселъ не развивается, и поэтъ останавливается на какомъ-либо моментѣ, который болѣе и сильнѣе всего прочаго занялъ его мысль: таковы всѣ эти отрывки или начала поэмъ, которыхъ такъ много у Пушкина; сюда относятся «Галубъ», отрывокъ или два отрывка, которые стóятъ многихъ цѣлыхъ поэмъ по удивительной художественности образовъ и стиха; превосходная піеса, называемая въ изданіяхъ «Началомъ поэмы» («Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ») и пр.

Въ прозаическихъ повѣстяхъ своихъ Пушкинъ какъ бы превозмогаетъ эту особенность своей природы и пробуетъ вести связный разсказъ отъ начала до конца; но дарованіе его падаетъ подъ этимъ усиліемъ. Разсказы его, по большей части, вялы и безцвѣтны. Кто что ни говори о красотахъ «повѣстей Бѣлкина», мы съ своей стороны не видимъ въ нихъ большого достоинства; это простые разсказы, не отличающіеся даже и внѣшнею занимательностью. Хвалятъ въ нихъ языкъ; дѣйствительно, языкъ въ нихъ гладокъ, чистъ и правиленъ, свободенъ отъ реторики; но что это за качества, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ такого таланта, какъ Пушкинъ? Выше «Повѣстей Бѣлкина» разсказы: «Дубровскій» и «Пиковая Дама»; но особеннаго достоинства, признаемся, не видимъ мы и въ этихъ разсказахъ. Фигура Германа, въ послѣднемъ, набросана бойко, но имѣетъ только достоинство эскиза; вся повѣсть представляетъ два-три интересныя положенія, и только. Намъ кажется, что сюжетъ этой по-

вѣсти много бы выигралъ, если бъ Пушкинъ изложилъ его не въ прозѣ, а въ стихахъ. Только въ мѣрной рѣчи нашъ художникъ умѣлъ творчески выражать самыя живыя особенности чувства; только увлекаясь мѣрнымъ движеніемъ слова, мысль его выражалась откровенно, только въ стихѣ освобождалась она отъ какой-то стыдливости, отъ какой-то сжатости и холодности. Пушкину, который такъ много черпалъ изъ тайниковъ собственнаго сердца и изъ опыта жизни, Пушкину была особенно нужна искусственная форма стиха. Какъ оркестръ и рядъ лампъ отдѣляетъ въ театрѣ сцену отъ зрителей, такъ рядъ риѳмъ и музыкальность стиха ставятъ поэта въ нѣкоторое разобщеніе съ дѣйствительностію; мысль его отдѣляется отъ неволи жизни и возносится на ту идеальную высоту, съ которой свободнѣе можетъ она обращаться къ явленіямъ жизни и извлекать изъ нихъ языкъ страсти, боли и радости. Такъ сценическій художникъ съ удивительною силою страсти, съ поразительною истиною всѣхъ ея оттѣнковъ дѣйствующій подъ мантіею героя, является, сошедши со сцены, самымъ простымъ и нерѣдко самымъ прозаическимъ смертнымъ. Чтобы представить какое-либо душевное движеніе, художнику нужно имѣть въ собственной душѣ, въ исторіи своего сердца, элементы этого движенія, и творчество его состоитъ въ томъ, чтобы приводить эти элементы въ такія сочетанія, какія требуются идеею представляемаго характера и положенія. Пушкинъ не любилъ касаться этихъ внутреннихъ струнъ, иначе какъ въ оградѣ стиха. По свойству его природы, чувствованія, хранившіяся въ его душѣ, какъ результаты личнаго опыта, все извѣданное и пережитое имъ въ собственномъ сердцѣ не легко переносилось въ новыя сочетанія, не легко входило въ составъ новыхъ творческихъ образованій. Быль сердца по большей части восходила у него къ своему прямому выраженію. Все въ ней оставалось какъ бы на своемъ мѣстѣ, и вос-

ходя изъ жизни въ поэтическое представленіе, только очищалось отъ всего посторонняго и несущественнаго. Вотъ почему Пушкина можно назвать по преимуществу поэтомъ лирическимъ. Но никакъ нельзя сказать, чтобъ Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ изображалъ только самого себя. Онъ могъ уловлять жизнь въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, и даже въ проявленіяхъ совершенно чуждыхъ ему лично; но образъ, возникавшій въ его фантазіи, удовлетворялъ его своимъ мгновеннымъ появленіемъ, и онъ не развивалъ схваченнаго момента. «Капитанская Дочка» составляетъ блистательное исключеніе изъ повѣствовательной прозы Пушкина. Въ этой повѣсти есть развитіе, цѣлость и много прекраснаго. Занятіе матеріалами для исторіи Пугачевскаго бунта не осталось въ Пушкинѣ безплоднымъ. «Капитанская Дочка» несравненно болѣе знакомитъ насъ съ эпохою, мѣстами и характеромъ лицъ и событій, нежели самая исторія Пугачевскаго бунта, написанная Пушкинымъ. Удивительная вѣрность изображеній была новостію въ нашей литературѣ. Послѣ «Бориса Годунова» повѣсть эта явилась новымъ доказательствомъ способности Пушкина возсоздать бытъ прошедшихъ временъ. Но и здѣсь главное достоинство все же заключается не въ развитіи цѣлаго, а въ подробностяхъ и отдѣльныхъ положеніяхъ. Образъ Пугачева намѣченъ мастерски: это одна изъ самыхъ цѣльныхъ характеристикъ у Пушкина. Прочія лица въ этой повѣсти: сама героиня, ея отецъ и мать, Савельичъ также хороши по замыслу и по исполненію. Но какъ ни сильно поддерживало, какъ ни возбуждало производительную силу повѣствователя обиліе матеріаловъ, изъ которыхъ выработанъ этотъ разсказъ, оно не могло однако вполнѣ замѣнить то, чего недоставало самой природѣ его дарованія. И «Капитанская Дочка», изобильная прекрасными частностями, не составляетъ опредѣленнаго и сильно организованнаго цѣлаго. Въ разсказѣ нельзя

не замѣтить той же самой сухости, которою страдаютъ всѣ прозаическіе опыты Пушкина. Изображенія либо слишкомъ мелки, либо слишкомъ суммарны, слишкомъ общи. И здѣсь также мы не замѣчаемъ тѣхъ сильныхъ очертаній, которыя даютъ вамъ живого человѣка, или изображаютъ многосложную связь явленій жизни и быта.

Не одно природное свойство дарованія Пушкина было виною указаннаго недостатка въ его произведеніяхъ: виною тому, конечно, было также и недостаточное развитіе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ въ общественномъ сознаніи, котораго органомъ былъ Пушкинъ. Чтобы постигать многообразіе жизни, надобно обладать обширною и богатою системою воззрѣній. Каждая сторона жизни требуетъ особаго воззрѣнія и особаго интереса. Что бы ни происходило въ насъ и вокругъ насъ, все пропадетъ даромъ для нашего разумѣнія, если въ насъ не окажется замѣчающихъ, наблюдающихъ, постигающихъ понятій. Весьма естественно, что у Пушкина такъ часто или, лучше сказать, почти всегда обрывалась нить развитія въ изображеніяхъ: обрывался интересъ, изсякало вдохновеніе, недоставало понятій, чтобы слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла.

Есть у Пушкина одно стихотвореніе, въ которомъ случайно, но очень вѣрно и очень живо, характеризуется замѣченная нами особенность его дарованія. Мы разумѣемъ превосходное стихотвореніе «Осень», написанное имъ въ 1830 году, въ самую зрѣлую эпоху его развитія. Обрисовавъ живыми чертами времена года и свою любимую осень, въ которую онъ чувствовалъ всегда съ особенною силою призывъ къ творчеству, поэтъ изображаетъ свое состояніе въ эти минуты, которымъ мы обязаны его произведеніями:

Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ
Минута и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ.
Но чу... матросы вдругъ кидаются, ползутъ,—
Вверхъ, внизъ,—и паруса надулись вѣтра волны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.
Плыветъ..... куда-жъ намъ плыть?...

На этомъ стихѣ прерывается стихотвореніе, и этотъ видъ неоконченности еще усиливаетъ знаменательность образа. Все готово къ отплытію,—но куда плыть? Кажется, даны были всѣ условія для обширнаго и могущественнаго творчества, но что-то задерживало его развитіе. Насталъ мигъ вдохновенія, все живо заговорило въ душѣ поэта; но едва успѣла мысль его двинуться впередъ, какъ мигъ прошелъ, передъ нею безвѣстный путь; ничто не манитъ далѣе—плыть некуда, и мысль остается на прежнемъ мѣстѣ, въ ожиданіи новаго мгновенія, и тоже повторится, когда оно наступитъ. Блеснетъ мгновеніе, и изольется вдохновеннымъ словомъ; но оно исчезнетъ, не оставивъ поэту путеводной идеи для его воображенія.

VI.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, развивался ли и въ какой мѣрѣ развивался талантъ нашего поэта съ теченіемъ времени?

Появленіе «Руслана и Людмилы» поразило и привело всѣхъ въ неописанный восторгъ. Свѣжесть и свобода языка, юная, почти дѣтская безпечность и рѣзвость мысли, граціозные очерки, все дышало чѣмъ-то новымъ и неслыханнымъ. И теперь еще, перечитывая эту поэму, мы легко переносимся воображеніемъ въ первое время пушкинской поэзіи, легко поддаемся тому обаянію, какое должна была производить эта поэма на современное поколѣніе. Это обаяніе проснувшейся жи-

зни не исчезло вмѣстѣ съ минутою появленія этой поэмы; она уноситъ его съ собою и въ потомство. Очень естественно, что Пушкина называли по преимуществу творцемъ «Руслана и Людмилы»: позднѣйшія болѣе зрѣлыя произведенія его не могли изгладить первое впечатлѣніе, произведенное имъ на общественное сознаніе. Содержаніе его ничтожно: это пустая сказка, ни на чемъ не основанная; герои не запечатлѣны никакимъ опредѣленнымъ характеромъ мѣста и времени, это какіе-то воздушные призраки. Внутренняго творчества въ ней нѣтъ; но есть творчество выраженія; въ ней слышится слово, которое вырвалось на вольный просторъ жизни; реченія и обороты языка являются здѣсь во всей чистотѣ и силѣ своей. Къ тѣмъ мысленнымъ движеніямъ, которыя вызываются ими въ читателѣ, не примѣшивается ничего искажающаго и стѣсняющаго ихъ раскрытіе. Эти движенія раскрываются съ тою непринужденностію и тою чистотою, на которыхъ основано чувство граціи и красоты. Чтобы на самомъ дѣлѣ почувствовать это значеніе новаго слова, полезно сличить языкъ «Руслана и Людмилы» съ старѣйшимъ произведеніемъ русской словесности, которое приближается къ нему по своему характеру и въ свое время пользовалось большою славою. Мы разумѣемъ «Душеньку» Богдановича. Нельзя не признать нѣкотораго достоинства и въ этой поэмѣ. Содержаніе, какъ извѣстно, заимствованное Богдановичемъ изъ Лафонтена, лучше и интереснѣе содержанія «Руслана и Людмилы». Но способъ выраженія въ поэмѣ Богдановича свидѣтельствуетъ еще о неустановившемся броженіи языка. Между этимъ словомъ и нашею мыслію нѣтъ прямой и живой связи. Часто воображеніе наше отказывается представить то, чего требуетъ это слово. Образъ, который по своему долженъ бы былъ раскрыться съ легкою и идеальною граціей, даетъ точно такъ же чувствовать себя, какъ чувствуются нами претензіи полуобразованной женщины

на грацію и прелесть маперъ. Малѣйшее уклоненіе отъ истинной нормы движенія производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе и не только лишаетъ образъ поэтическаго очарованія, не только отнимаетъ у него силу дѣйствовать пріятно, но сообщаетъ ему силу дѣйствовать въ обратномъ отношеніи, въ смыслѣ противоположномъ его идеѣ. Передайте нѣкоторыя мѣста изъ поэмы Богдановича на какой-нибудь иностранный языкъ, они могутъ производить пріятный эффектъ; но въ формахъ той русской рѣчи, какою писалъ Богдановичъ, она дѣйствуетъ на насъ иначе, потому что эти формы возбуждаютъ въ нашей душѣ несоотвѣтственныя настроенія. Тамъ изъ-за Душеньки выглянетъ фигура подьячаго, здѣсь запахнетъ семинаріей, въ другомъ мѣстѣ вмѣсто Купидона невольно мерещется фризовая шинель. Здѣсь:

....Хоръ пѣвцъ протяжистымъ маперомъ
Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ
Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толико медленно, толико слуху внятно и т. д.

Тамъ:

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ,
Съ удовольствіемъ раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья и наряды,
И нѣкакой вѣнецъ.

Надобно имѣть слишкомъ сильную способность отвлеченія, чтобы, при чтеніи подобныхъ мѣстъ, удерживать воображеніе отъ разныхъ примѣсей, которыя ужъ конечно не требуются сущностію представленія. Только благодаря такой способности можемъ мы вынести изъ чтенія бѣдную схему образа, отказавшись совершенно отъ всего, что могло бы дать ему сколько нибудь жизни, сколько нибудь движенія и поэтической цѣнности.

Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій вынесли изъ этихъ пучинъ русское слово и передали его Пушкину. Съ пер-

выхъ шаговъ своихъ онъ достигъ уже того значенія, съ какимъ останется навсегда въ исторіи русской литературы. Лирическія піесы, относящіяся ко времени «Руслана и Людмилы» (1817—1820), соотвѣтствуютъ этой поэмѣ.

Онѣ отличаются живостію и свѣжестію слова, но внутренняго, болѣе глубокаго значенія, онѣ не имѣютъ, за исключеніемъ двухъ трехъ стихотвореній, относящихся къ послѣднимъ годамъ этой поры. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о прекрасной элегіи «Увы, зачѣмъ она блистаетъ!», которая исполнена необыкновенной нѣжности, грустной и задумчивой нѣжности, такъ часто звучащей въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ нашего поэта.

Отъ 1820 года, въ который Пушкинъ окончилъ «Руслана и Людмилу», до 1825, слѣдуетъ рядъ поэмъ: «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыганы», первая глава «Евгенія Онѣгина», поэмъ, которыя, равно какъ и лирическія піесы, ихъ сопровождавшія, очевидно показываютъ постепенность въ развитіи нашего поэта. Въ самомъ дѣлѣ это очевидно теперь для всякаго, благодаря умной заботливости издателя о хронологическомъ порядкѣ сочиненій.

Промежутокъ времени отъ 1820 по 1825 годъ имѣетъ въ развитіи Пушкина характеръ эпохи переходной. Дѣтская рѣзвость «Руслана и Людмилы» смѣняется порывами юношеской страстности, броженьемъ возбужденнаго чувства, туманностію мысли. Онъ плачетъ съ Кавказскимъ плѣнникомъ, ревнуетъ съ Заремой, колобродитъ съ Алеко, жалуется на людей и жизнь, хандритъ и скучаетъ съ Онѣгинымъ. Въ лирикѣ его слышатся уже звуки души, начавшей жить; стихъ становится выразительнѣе и сильнѣе; творческая сила обнаруживается не въ одной прелести выраженія, но и въ замыслѣ. Отъ сказочнаго міра, отъ игры воображенія, мысль его все болѣе и болѣе обращается къ

дѣйствительности, по временамъ задумывается надъ ея явленіями, старается схватить ихъ и постигнуть ихъ значеніе. Здѣсь уже обозначаются главныя черты его характера и генія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ явственнѣе. Многія изъ мелкихъ піесъ этого времени, особенно изъ относящихся къ 1824 году, запечатлѣны истинною поэзіей и приближаются къ зрѣлой порѣ его музы. Въ его душѣ слышатся уже вѣщія струны, которыя отзываются на явленія природы и жизни. Видимыми предметами возбуждаются въ немъ тѣ думы, которыя въ поэтической душѣ звучатъ отголоскомъ внутренней сущности предмета. Какъ сердце подаетъ вѣсть сердцу, такъ и душа природы сказывается въ душѣ поэта, сначала туманно и не внятно, но уже сказывается. Мало-по-малу пріобрѣтаетъ онъ власть надъ сердцами. Иногда посреди общаго мѣста, которое впрочемъ не было для него общимъ мѣстомъ, вдругъ прозвенитъ стихъ, исполненный живой силы, которая никогда не утратитъ своего дѣйствія. У поэта уже есть прошедшее. Онъ вспоминаетъ о первыхъ годахъ своей юности, о первыхъ впечатлѣніяхъ, о первыхъ тревогахъ своей души. Онъ вспоминаетъ какъ въ ту раннюю пору посѣщало его вдохновеніе, и какъ впервые почувствовалъ онъ острое жало того искушающаго начала, которое льнетъ ко всему живому, и котораго не можетъ миновать никакое сильное развитіе.

Къ этому-то времени относится все, что бывало говорилось о подражательности пушкинской поэзіи; сюда относятся тѣ байроническія вліянія, которыя въ ней обыкновенно отыскивались. Собственно говоря, Пушкинъ никогда не былъ подражателемъ; это природа въ высшей степени оригинальная. Характеръ подражательности, который замѣчали въ его менѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ, есть не столько подражательность, сколько эта относительная незрѣлость, и объясняется съ одной стороны молодостью литературы, въ которой дѣйство-

валъ Пушкинъ, съ другой — просто физіологическою причиною, молодостію самого поэта. Подражательность такъ мало свойственна его природѣ, что всему чужому, чего касалась его мысль, давалъ онъ совершенно новое значеніе и новый видъ. Онъ никогда не могъ быть прелагателемъ чужой мысли; всегда возбуждала она въ немъ самостоятельное творчество, изъ котораго выходило нѣчто другое, совершенно оригинальное. Вспомнимъ его позднѣйшія подражанія Данту, мнимыя заимствованія изъ англійскихъ поэтовъ, подражанія и заимствованія, принадлежащія къ самымъ оригинальнымъ произведеніямъ Пушкина. Конечно, въ эту переходную пору своего развитія, Пушкинъ не могъ не подчиниться вліянію того мрачнаго и могущественнаго британскаго генія, который господствовалъ тогда надъ умами, «властителя думъ» тогдашняго поколѣнія. Но вліяніе Байрона на нашего поэта вовсе не такъ глубоко; оно только возбуждало его, а вовсе не сообщало направленія его развитію. Въ Пушкинѣ нѣтъ и слѣдовъ той непреклонной демонической гордости, которою дышатъ байроновскіе герои. Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» вліяніе Байрона ограничивается самымъ общимъ возбужденіемъ и лишь внѣшнею стороною; кое гдѣ встрѣчаются нѣкоторыя техническія заимствованія. Болѣе напоминаетъ байроновскихъ героевъ Алеко: это у Пушкина единственный характеръ, въ которомъ чувствуется существенное вліяніе британскаго поэта. Но этимъ произведеніемъ Пушкинъ навсегда отдѣлался отъ Байрона, и уже въ первой пѣсни «Евгенія Онѣгина» слышатся только слабые отзывы его вліянія. Здѣсь Пушкинъ уже на своей почвѣ, и въ неустановившемся броженіи его мысли оказываются уже твердыя точки.

Эти поэмы носятъ на себѣ всѣ признаки переходнаго времени. Внутренняго, безотносительнаго достоинства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, особенно

въ «Цыганахъ», они не имѣютъ. Если мы спросимъ себя, чего именно недостаетъ имъ, то легко найдемъ, что имъ недостаетъ высшаго условія художественности: индивидуальности изображеній. Лица этихъ поэмъ еще какъ бы скрываются позади поэта, и передъ взорами его ложатся только тѣни отъ нихъ. Геній поэта не пріобрѣлъ еще столько творческой силы, чтобы давать образъ своимъ ощущеніямъ. Въ подобныхъ произведеніяхъ поэзіи часто видятъ преобладаніе внутренняго надъ внѣшнимъ, и называютъ ихъ субъективными; но, собственно говоря, въ подобныхъ произведеніяхъ столь же мало преобладаетъ сила внутренняго, сколько въ произведеніяхъ по истинѣ художественныхъ преобладаетъ внѣшнее надъ внутреннимъ. Сила внутренняго выражается не въ чемъ иномъ какъ въ организаціи внѣшняго; чѣмъ глубже и сильнѣе внутреннее, тѣмъ явственнѣе образъ его проявленія. Въ произведеніяхъ незрѣлыхъ именно внутреннему недостаетъ силы; это-то внутреннее въ нихъ слабо и незначительно. Какъ въ жизни чувство, не переходящее въ дѣло, есть чувство не глубокое и незрѣлое; такъ и въ искусствѣ, представленіе, не имѣющее явственной организаціи, есть представленіе слабое и не зрѣлое. Чѣмъ выше стоитъ созерцающая мысль, тѣмъ опредѣленнѣе созерцаніе. Въ произведеніяхъ переходной эпохи развитія Пушкина, внутреннее зрѣніе не обнимаетъ своихъ предметовъ, а теряется въ ихъ неопредѣленности. Но слѣдуя художественному порядку происхожденія этихъ поэмъ, мы не можемъ не замѣтить, какъ творческая сила поэта постепенно крѣпнетъ и овладѣваетъ предметомъ. Образы «Бахчисарайскаго фонтана» явственнѣе нежели «Кавказскаго плѣнника»; чувствованія высказываются опредѣленнѣе и точнѣе, положенія обрисовываются живѣе. Въ «Цыганахъ» и въ первыхъ главахъ «Евгенія Онѣгина» видимъ еще большую зрѣлость представленія. Мысль въ этихъ произведеніяхъ

очевидно свободнѣе и зорче; изъ тумана и мерцанія выдѣляются болѣе рѣшительныя линіи и болѣе явственные очерки, опредѣленнѣе обозначаются внѣшнія отношенія, и по мѣрѣ того ощутительнѣе сказывается внутреннее.

Въ фантазіи поэта уже зарождаются начатки произведеній, которыя раскрываются пышнымъ цвѣтомъ въ зрѣлую пору его развитія.

Первымъ начаткамъ самостоятельнаго творчества русской мысли соотвѣтствуютъ далеко не такъ цѣнные начатки современной Пушкину жизни, какъ она отразилась въ его первыхъ произведеніяхъ. Герои этихъ поэмъ представляютъ собою только-что пробудившуюся потребность жить собственнымъ сердцемъ и умомъ; они хотятъ держаться на своихъ ногахъ, быть нравственными единицами, но остаются еще при самыхъ скудныхъ элементахъ сознанія. Слишкомъ мало въ нихъ нравственныхъ силъ и положительныхъ началъ для самостоятельности, слишкомъ еще слабо держатся они на своихъ ногахъ и слишкомъ тѣсенъ кружокъ, въ которомъ они учатся ходить. Возбужденность въ нихъ сильная, но употребленіе ея слишкомъ ничтожное. Личность человѣческая тѣмъ самостоятельнѣе, чѣмъ меньше занята собою и чѣмъ болѣе отражаетъ въ себѣ великій всеобщій міръ, а эти господа только лишь и заняты собою. Они вышли изъ сплошной массы, они не хотятъ быть кирпичами, связанными чьею-то рукою въ какихъ-то постройкахъ, они хотятъ быть сами по себѣ, и всетаки остаются тѣми же кирпичами, только сваленными въ кучу. Пушкинъ отличаетъ себя отъ Онѣгина:

Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,

Чтобы, продолжаетъ поэтъ, не подумали,

Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ...

Но въ то же время поэтъ сознается въ своей близости къ тому же Онѣгину. Они пріятели и живутъ въ одной сферѣ:

Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоихъ насъ
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ,
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

Но надъ уровнемъ людей, къ которымъ болѣе или менѣе принадлежалъ самъ Пушкинъ, онъ возвышался своимъ высокимъ даромъ и историческимъ призваніемъ, возвышался надъ ними тѣмъ, что по ложному стыду старался прятать подалѣе и прикрывать свѣтскимъ безличіемъ. Въ зрѣлую пору своей жизни Пушкинъ, кажется, освободился отъ этого ложнаго стыда, впрочемъ весьма естественнаго въ прежнее время, когда общество смотрѣло на литератора съ любопытствомъ, какъ на исключительное и нѣсколько странное явленіе,— когда человѣку, писавшему стихи, нельзя было показаться въ гостиную, чтобъ его не попросили продекламировать какое нибудь новое произведеніе его музы,— когда такому человѣку нельзя было задуматься, чтобы прелестныя уста не обратились къ нему съ вопросомъ: A quoi rêvez-vous, o poëte?

Въ герояхъ первыхъ поэмъ Пушкина, взятыхъ изъ жизни, не могло быть никакихъ нравственныхъ столкновеній; въ нихъ, кромѣ смутно пробудившейся потребности жить и чувствовать, нѣтъ болѣе ничего; сердечнымъ влеченіямъ въ нихъ не съ чѣмъ помѣряться, кромѣ развѣ «слѣпой фортуны». Кавказскій плѣнникъ плачетъ надъ воспоминаніями обманувшей его любви и страдаетъ, что не можетъ увлечься новою страстію. Алеко бѣжитъ изъ города въ степь, отъ «мучительныхъ словъ сердца» въ цыганскій таборъ, тамъ ищетъ свободы отъ страстей, но увлекается новыми страстями

и возмущаетъ не очень завидный миръ цыганской вольности. Что бы такое могло изъ него выйти, право не знаемъ. Онѣгинъ—праздношатающійся и скучающій чудакъ, который однимъ только серіозно занятъ—наукой любви и, по увѣренію поэта, достигъ въ ней глубокой премудрости; пустой фатъ, а впрочемъ добрый малый, изъ котораго могло бы выйти что нибудь и болѣе путное, чего ужъ никакъ нельзя сказать о преемникѣ его, Печоринѣ. Онѣгинъ еще только можетъ быть Печоринымъ, но можетъ быть и чѣмъ нибудь другимъ, а въ героѣ Лермонтова вполнѣ назрѣло нравственное ничтожество и загрубѣло въ непроницаемомъ эгоизмѣ.

Съ 1825 года начинается зрѣлая пора Пушкина, въ которую постепенно вырабатывались и являлись на свѣтъ произведенія, составляющія его истинную славу: «Полтава», послѣдующія пѣсни «Евгенія Онѣгина», изъ коихъ вторая была написана въ 1825—1826, а послѣдняя (восьмая) въ 1830; «Борисъ Годуновъ», давно уже замышленный, но получившій окончательный свой видъ только въ 1830 году, въ которой были написаны и всѣ прочія произведенія драматической формы, кромѣ «Русалки», которая произошла позднѣе (1832); далѣе поэмы «Галубъ« (1829) и «Мѣдный всадникъ» (1833); наконецъ, рядомъ съ этими болѣе или менѣе обширными произведеніями, самыя благоуханные цвѣтки Пушкинской лирики, небольшія піески, стоящія цѣлыхъ поэмъ, удивительныя по своей глубинѣ, силѣ и художественному совершенству.

Вотъ здѣсь-то мы встрѣчаемъ истиннаго Пушкина, въ этихъ-то произведеніяхъ раскрылись всѣ особенности его природы и генія! Окончательное сужденіе о Пушкинѣ должно основываться на произведеніяхъ этой эпохи.

Прежде всего будемъ отвѣчать на вопросъ, въ чемъ заключается дальнѣйшее развитіе поэзіи Пушкина, въ чемъ выражается зрѣлость его творческой силы? Не

много надобно вглядываться въ произведенія этой эпохи, чтобы усмотрѣть, какъ русская мысль, въ лицѣ Пушкина, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы для достиженія дѣйствительности, какъ становится она способною воспроизводить истину явленій души и жизни. Колеблющіяся фантастическія тѣни исчезаютъ и смѣняются ясностію дѣйствительнаго міра, чувство поэта собирается изъ неопредѣленныхъ настроеній, сосредоточивается, крѣпнетъ и растетъ въ глубину. Выраженіе достигаетъ необыкновенной силы и высочайшей художественной точности, которая столько же составляетъ необходимое условіе искусства, сколько и науки. Истинная поэзія должна столько же отличаться своего рода точностію, какъ и математика; вся сила поэзіи основана на этомъ качествѣ, повидимому вовсе не поэтическомъ. Точность поэтическаго выраженія заключается въ томъ, что оно производитъ то, а не другое впечатлѣніе, и производитъ его во всей чистотѣ и силѣ.

Въ «Полтавѣ» и въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкинъ касается исторіи. Мы не знаемъ съ точностію, которое изъ этихъ двухъ произведеній позднѣе по времени. Хотя, по указанію г. Анненкова, «Борисъ Годуновъ» замышленъ былъ поэтомъ еще въ 1824 году, и написанъ въ 1825; но извѣстно также, что это произведеніе было предметомъ долгихъ и усиленныхъ думъ, подвергалось передѣлкамъ, и только въ 1831 году увидѣло свѣтъ. «Полтава» была начата и окончена въ продолженіе одного мѣсяца, въ 1828 году. Поэма эта, по языку и въ частностяхъ изображенія, замѣчательна всею силою созрѣвшаго человѣка и созрѣвшаго дарованія. Стихъ здѣсь творитъ чудеса. Но въ цѣломъ это одно изъ слабѣйшихъ произведеній зрѣлой поры Пушкина. Собственно историческая часть поэмы зыбка, и не отличается еще тѣмъ спокойствіемъ воззрѣнія, которое необходимо въ произведеніяхъ этого рода. Битва блещетъ яркими красками, но не производитъ глубокаго историческаго впе-

чатлѣнія. Изображеніе Петра исполнено страстнаго лирическаго движенія, но представляетъ мало опредѣленныхъ очертаній. Фигура Карла обозначена, говоря эстетическимъ терминомъ, объективнѣе.

Поэтъ смотритъ на него съ большимъ спокойствіемъ. Что же касается до Мазепы, играющаго главную роль въ поэмѣ, то изображенію его сильно вредитъ нѣсколько мелодраматическій тонъ романа, который разыгрывается на исторической основѣ произведенія, но мало вяжется съ нею и отнимаетъ у ней главный интересъ поэмы. Взятый отвлеченно отъ своего историческаго значенія, этотъ образъ коварнаго и обаятельнаго старика, умѣвшаго внушить къ себѣ страстную любовь въ своей крестницѣ, мѣстами исполненъ художественной правды и запечатлѣнъ превосходными стихами. Кочубей, жена его, тоже довольно блѣдные какъ историческія лица, даютъ поэту поводъ изобразить мастерскими чертами нѣкоторыя положенія. Какая сила въ выраженіи негодованія Кочубея на губителя его дочери! Позднѣйшія произведенія Пушкина не превзойдутъ силою стиха ни этого, ни многихъ другихъ мѣстъ «Полтавы». Далѣе въ этомъ отношеніи идти невозможно.

Образъ Маріи прекрасенъ; страсть ея къ Мазепѣ, не смотря на свою неестественность, не лишена психологической правды. Ея объясненія съ Мазепой, во второй пѣсни, исполнены драматическаго движенія. Это совершенно особая сцена, которая отличается всѣми красотами драматическихъ сценъ, написанныхъ Пушкинымъ въ 1830 году.

Въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкинъ совершенно освобождается отъ лирическихъ увлеченій, и обнаруживаетъ высшее творчество въ изображеніи отдаленнаго историческаго времени.

Никто еще не воскрешалъ у насъ съ такою истиною, въ поэтическомъ представленіи, образы давней жизни нашего отечества. Пушкину ставятъ въ укоръ от-

носительно Бориса Годунова, что онъ черпалъ духъ и и краски этого произведенія не изъ первыхъ источниковъ, а изъ исторіи Карамзина, что онъ смотрѣлъ на древнюю Русь сквозь чуждую призму, что вслѣдствіе этого онъ внесъ въ ту жизнь какую-то торжественность и пышность, ей несвойственныя. Укоръ этотъ, сколько намъ помнится, впервые произнесенъ былъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»; съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ ходъ и сталъ общимъ мѣстомъ критики. Всегда, какъ только рѣчь зайдетъ о «Борисѣ Годуновѣ», непремѣнно заговорятъ о Карамзинѣ. Но первый источникъ этого важнаго критическаго замѣчанія, переходящаго изъ устъ въ уста, былъ самимъ же Пушкинымъ. Не посвяти Пушкинъ своего произведенія памяти Карамзина, не скажи, что произведеніе это есть трудъ, вдохновенный его геніемъ, критикъ «Телеграфа», ратовавшій въ то время противъ Исторіи Карамзина, можетъ быть и не подумалъ бы объ этомъ обстоятельствѣ. Но это посвященіе дало тему и пищу для критики; не входя во внутренній разборъ произведенія, критикъ могъ уже съ легкою совѣстью развивать мысли, возбужденныя заглавною страницею книги. Само собою казалось яснымъ, что «Борисъ Годуновъ» есть трудъ пропащій, что «Борисъ Годуновъ» — несчастная ошибка таланта, что въ немъ нѣтъ исторической правды. Нельзя не согласиться, что самостоятельное занятіе Пушкина историческими матеріалами, самими актами прошедшей жизни, могло бы быть весьма плодотворно.

Его высокое художественное чувство вынесло бы оттуда много свѣжихъ красокъ, много удивительныхъ образовъ. Но мы не думаемъ, чтобы посредство Карамзина чѣмъ-нибудь существенно повредило исторической правдѣ произведенія Пушкина. Допустимъ, что образъ самого Годунова можетъ быть не совсѣмъ вѣренъ подлиннику; но исторія не сказала еще своего послѣдняго слова объ этомъ лицѣ, и многія относящіяся къ нему

обстоятельства еще недостаточно объяснены. Если же характеръ этого лица у Пушкина не представляетъ полнаго драматическаго развитія, то въ этомъ надобно винить не какое-либо постороннее вліяніе, а самое свойство дарованія Пушкина, замѣченное нами выше. Точно то же должны мы сказать и о прочихъ лицахъ этой драмы: развитія нѣтъ ни въ одномъ, и каждое является въ отдѣльныхъ сценахъ съ какою-либо уже данною, уже готовою стороною своего нравственнаго или общественнаго положенія. Выше замѣчено, что не въ обычаѣ, не въ интересѣ нашего поэта слѣдить за постепеннымъ раскрытіемъ дѣла, слагать постепенно зиждительные элементы характеровъ и событій; онъ бралъ дѣло въ полнотѣ его однократнаго проявленія, въ раздѣльные его моменты Каждый даръ имѣетъ свою особенность: этимъ недостаткомъ и этимъ свойствомъ опредѣляется, по нашему мнѣнію, особенность Пушкина. Возвращаясь къ «Борису Годунову», смѣло повторимъ высказанное уже нами мнѣніе о достоинствѣ этого произведенія: оно представляетъ вѣрное художественное воспроизведеніе древней Руси въ ея главныхъ типическихъ чертахъ. Въ этомъ отношеніи «Борисъ Годуновъ» далеко еще не оцѣненъ по своему достоинству и, прибавимъ, по своему значенію въ нашей литературѣ. Это произведеніе возникло въ ту пору, когда у насъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ, не подинмался еще вопросъ о древней русской жизни, о коренныхъ ея началахъ, не слышалось еще жалобъ на разобщенность новой русской жизни съ ея прошедшимъ. Пушкинъ не могъ предусматривать всѣхъ этихъ толковъ и споровъ, и мысль его, обращаясь къ прошедшему, могла сохранить то спокойствіе и ту свободу воззрѣнія, которыя столь же необходимы художнику, какъ и мыслителю или историку. Въ сценахъ своихъ онъ ничего не хочетъ доказывать, онъ только изображаетъ. Художественная истина этого изображе-

нія состоитъ не въ подробностяхъ обстановки, не въ обозначеніи внѣшнихъ примѣтъ быта, а въ постиженіи внутреннихъ основъ его, въ воспроизведеніи духа явленій, который порождалъ ихъ существенныя черты. Въ произведеніи Пушкина мы чувствуемъ, какъ древняя Русь неуклонно шла своимъ путемъ, какъ мало было въ ней самой существенныхъ побужденій отрекаться отъ дальнѣйшаго хода, какъ глубоко напротивъ таилась въ ней потребность обновленія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы не чувствуемъ въ этихъ изображеніяхъ никакого отрицающаго дѣйствія со стороны поэта, никакого желанія представить внѣшнимъ образомъ недостатки или несостоятельность стараго быта. Потребность перехода является здѣсь какъ положительное начало самой жизни стараго времени.

Спросимъ себя, которое изъ типическихъ лицъ того времени, какъ они представлены у Пушкина, заключаетъ въ себѣ что-либо враждебное этому переходу, которое изъ лицъ выражаетъ собою начало укора и сопротивленія? Конечно, не этотъ смиренный старецъ, который въ тиши своей кельи, въ краткіе досуги отъ молитвы, пишетъ свои правдивыя сказанья; этотъ старецъ, отрекшійся отъ міра, но совершающій для него скромное, безвѣстное, но благое дѣло? Перечтите эту сцену въ кельи Чудова монастыря, признанную за одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ цѣлаго произведенія, прислушайтесь снова къ рѣчамъ добраго отшельника, къ этимъ рѣчамъ, которыя запечатлѣны всею силою художественной правды: нѣтъ, здѣсь такъ много мягкосердечія и простоты! нѣтъ, отсюда не можетъ выйти духъ сопротивленія, и мысль отсюда легко обращается къ будущему и довѣрчиво предается влекущей силѣ, въ немъ заключенной. Другимъ характеромъ запечатлѣны слѣдующія за нею сцены.

Но войдемъ въ царскія палаты. Отдѣлимъ въ Борисѣ Годуновѣ то, что придано ему его личнымъ положе-

нісмъ, внутреннею неправдою его власти, неправдою, изъ которой рождается династическое своекорыстіе,— отдѣлимъ этотъ страхъ и трепетъ за себя передъ глухимъ ропотомъ народнаго мнѣнія и самозванства, отдѣлимъ также оцѣпенѣлость полувосточныхъ завѣщанныхъ формъ, все, что такъ вѣрно выражено Пушкинымъ, несмотря на пышность и нѣкоторую торжественность этого выраженія, вовсе впрочемъ не чуждыя предмету, и въ основныхъ краскахъ своихъ и въ общемъ впечатлѣніи, еще болѣе возвышающія художественную вѣрность изображенія, и посмотримъ, что останется въ царственной мысли. Всѣ, вѣроятно, помнятъ прекрасную сцену Бориса въ своемъ семействѣ, кроткій образъ Ксеніи, обозначенный столь немногими, но столь поэтическими чертами, и разговоръ царя съ своимъ сыномъ.

А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? это что?
Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
А вотъ Сибирь.
                А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?
                Это Волга.
Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
. . . .
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Истина изображеній здѣсь такъ живо, такъ гласно говоритъ сама за себя, что не требуется исторической повѣрки. Эти слова дышатъ всею особенностію жизни и духа времени.

Вотъ еще другое мѣсто. Недовольный своими боярами и воеводами, царь обращается къ Басманову:

.......Я ими не доволенъ.
Пошлю тебя начальствовать надъ ними:
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ смѣсь о мѣстничествѣ тужитъ:
Пора пресѣчь мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.
Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.
День этотъ недалекъ...

День этотъ, какъ мы знаемъ, насталъ, и вскорѣ за нимъ наставали другіе дни, въ которые тотъ же огонь пожиралъ ограды невѣжества и народной исключительности. И только изъ этихъ оградъ, а не изъ существенныхъ началъ, не изъ духа жизни происходило сопротивленіе дѣлу обновленія, протестъ противъ сближенія народовъ, противъ великаго дѣла исторіи, возводящаго всѣ отношенія и формы въ человѣческомъ мірѣ къ ихъ чистотѣ, къ ихъ разуму и къ несомнѣнной опредѣленности. Въ произведеніи Пушкина мы можемъ какъ бы предчувствовать, что когда придетъ часъ перехода—будетъ упоръ, но упоръ со стороны оцѣпенѣлаго и помертвѣвшаго обычая, упоръ со стороны звенящей мѣди и бряцающихъ кимваловъ, со стороны хранителей формы и ревнителей обрядности. Все по истинѣ живое и плодотворное должно было перейти; осталось позади лишь внутренне-мертвое и негодное.

Вотъ что значитъ художественное изображеніе! Если бъ Пушкинъ старался проводить въ своихъ очеркахъ древне-русской жизни какую-либо мысль, если бы онъ хотѣлъ въ нихъ что-либо доказывать, то исчезла бы истина изображенія, мы получили бы не истину жизни, а вовсе может ненужное намъ мнѣніе Пушкина, мы получили бы ложь и относительно искусства и относительно дѣйствительности. Раздалось бы только лишнее горячее слово въ спорѣ, и только. Художнику болѣе всего нужно высокое безпристрастіе

истины или, какъ мы выразились выше, свобода воззрѣнія. Первымъ признакомъ произведенія не-художественнаго было бы желаніе автора высказать прямо какія-нибудь мысли. Лица являлись бы на сцену и высказывали бы эти мысли, высказывали бы можетъ быть очень хорошо, очень живо и увлекательно; но мысли, высказываемыя не въ логическомъ развитіи, могли бы только оглушить, увлечь васъ слѣпо, а внутренняго, въ васъ самихъ происходящаго процесса убѣжденія никакъ не могли бы онѣ произвести. Между тѣмъ художникъ не только не навязываетъ вамъ какихъ-либо готовыхъ мыслей, но и не подводитъ васъ хитро подъ ихъ вліяніе, особою, сообразною съ какими-нибудь посторонними цѣлями, постановкою сценъ; онъ только приближаетъ къ вашему разумѣнію сущность предмета и побуждаетъ васъ изображеніемъ дѣла дойти до скрытыхъ въ немъ идей, заставляетъ васъ самихъ домыслиться до нихъ. Вамъ не сообщаются готовыя убѣжденія, вамъ сообщаются элементы для убѣжденія. Пименъ въ «Борисѣ Годуновѣ» ничего не говоритъ и не можетъ говорить ни въ пользу, ни противъ историческаго развитія и общественнаго преобразованія; его сознаніе далеко отъ этихъ вопросовъ и вообще его жизнь не принадлежитъ міру; но въ немъ встрѣчаемъ мы духъ, который, чувствуемъ мы, никогда не озлобится противъ законнаго движенія міра, и который благословитъ всякое доброе дѣло, откуда бы оно ни исходило. Но очень вѣроятно, что братья Мисаилъ и Варлаамъ, эти ханжи и лицемѣры, изображенные Пушкинымъ съ неменьшею вѣрностію, стали бы, въ эпоху Петра, на сторонѣ противниковъ реформы.

1880 г.

На открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ.*)

Въ Москвѣ, на Красной Площади, высится памятникъ Минину и Пожарскому. Ихъ дѣяніе золотыми буквами вписано въ Русскую исторію, и воздвигнутый памятникъ будитъ въ насъ высокое чувство народнаго самосознанія и вѣру въ Промыслъ, управляющій судьбами нашего отечества. То было въ смутную пору нашей исторіи, слишкомъ три съ половиною вѣка назадъ. Прервалось преемство царскаго рода; власть, такъ тяжко собранная и возвеличенная, утратила свою святость, переходя изъ рукъ въ руки путемъ преступленій, обмана, измѣны. Государство зашаталось. Русская земля, казалось, погибала. Иноземный врагъ уже владѣлъ Москвою. И вотъ тутъ-то, на голосъ простого человѣка изъ народа, возстала вся Русская земля. Все поднялось, все вооружилось; все несло достояніе и кровь свою за вѣру и отечество. Великое, безпримѣрное народное движеніе, исполненное силы и духа и вмѣстѣ смиренное духомъ, простое и некичливое въ своемъ величіи! Иноземный врагъ былъ посрамленъ и

*) Передовая статья М. Н. Каткова въ № 155 „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 5 іюня 1880 г.

изгнанъ, крамола раздавлена, государство спасено, и верховная власть бережно и безъ ущерба передана избраннику всей земли Русской, родоначальнику новаго царствующаго дома, открывшаго новую эру въ исторіи нашего отечества. И вотъ, въ Москвѣ, колыбели русскаго единовластія, поставленъ памятникъ вождямъ свободнаго народнаго подъема, которымъ спасено было Русское государство и въ которомъ впервые сказалось несокрушимое единство нашего народа и его духъ, воспитанный церковью.

Доселѣ этотъ памятникъ, на общественной площади, высился въ нашей старой Москвѣ одиноко. Теперь къ нему присоединяется другой, посвященный человѣку, не водившему въ бой народныхъ ополченій, но также народному двигателю, великому русскому народному поэту, какъ общій голосъ славитъ нашего Пушкина... Жизнь народа и его призваніе не исчерпываются дѣломъ государственной нужды. Когда тѣло сложилось и окрѣпло, душа освобождается для самостоятельной жизни. Развитіемъ внѣшняго могущества и вооруженною силою еще не обезпечено существованіе народа, еще не доказано его право на существованіе. Бывали громады, скрѣпленныя внѣшнею силой, которыя, исполнивъ свое временное назначеніе, разсыпались во прахъ и исчезали. Великій народъ, призванный къ жизни, обладаетъ силою внутренняго единенія и проявляетъ свой духъ не въ однѣхъ заботахъ самохраненія, но и въ развитіи даровъ человѣческой природы. Чѣмъ производительнѣе творчество мысли среди народа, чѣмъ выше подъемъ духа въ его избранныхъ людяхъ, чѣмъ обильнѣе и плодотворнѣе раскрываются въ немъ дары Божіи, тѣмъ возвышеннѣе становится его положеніе въ мірѣ, и тѣмъ онъ любезнѣе и дороже для человѣчества. Надъ царствомъ нужды возвышается царство свободы, гдѣ каждый самъ себѣ царь и гдѣ властвуютъ только вѣчные законы истины, блага и красоты,

гдѣ народъ достигаетъ высоты человѣчества, и куда утомленные трудомъ жизни обращаемъ мы взоры, ища успокоенія, отрады и освѣженія силъ. Что была бы жизнь наша,—и была ли бы возможна жизнь человѣческая,—безъ этого царства чистой свободы?

Въ Пушкинѣ всенародно чевствуется великій даръ Божій. Ему не доводилось спасать отечество отъ враговъ, но ему было дано украсить, возвысить и прославить свою народность.

Языкъ есть единящая сила народа. По древнему, глубоко знаменательному, церковно-славянскому словоупотребленію, народъ есть языкъ, языкъ есть народъ. Но въ нравственномъ мірѣ надежны и животворны связи, лишь скрѣпленныя свободой и любовью. Кто же, скажите, кто не полюбитъ русскаго языка въ стихѣ Пушкина? Кто устоитъ противъ «живой прелести» этого стиха?

Пушкинъ заставилъ не только своихъ, но и чужихъ, полюбить нашъ языкъ, и вотъ его великая заслуга.

Литературный языкъ совершаетъ долгій путь образованія. Когда пришелъ Пушкинъ, литературный языкъ былъ готовъ, но онъ былъ спрыснутъ только «мертвою водой». Поэзія Пушкина была ему «живою водой». Пушкинъ извлекъ изъ русскаго языка неслыханные звуки и «ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой». Пройдутъ вѣка и многое измѣнится, но языкъ Пушкинскаго стиха останется во всемъ обаяніи своей красоты и никогда не утратитъ своей силы и свѣжести.

Въ чемъ тайна животворной власти художника надъ языкомъ? Въ томъ, что реченія для него не просто знаки общихъ понятій, которыя безъ остатка передаются на всякій другой языкъ; но каждое чувствуется имъ какъ нѣчто само по себѣ, какъ живое существо, имѣвшее свои судьбы и носящее на себѣ отпечатокъ всѣхъ сочетаній, чрезъ которыя доводилось ему про-

ходить. Въ этомъ тайна того очарованія, которое художникъ извлекаетъ изъ языка, и вотъ почему произведеніе истинно творческаго дара только приблизительно можетъ быть передано на другой языкъ.

Пушкинъ имѣлъ право сказать, что онъ былъ «полезенъ живою прелестью» своего стиха. Это не суетная похвальба, но мудрое разумѣніе. Никто не принесъ столько истинной пользы русской народности какъ Пушкинъ въ то время, когда Богъ судилъ ему жить, и его произведенія стóятъ многихъ выигранныхъ битвъ.

Мы гордимся нашимъ Пушкинымъ какъ великимъ поэтомъ. Его поэзія не есть только переходная ступень нашего образованія, не есть только историческій моментъ, остающійся позади и внизу во мракѣ прошедшаго. Пушкинъ стоитъ на высотѣ всемірнаго значенія. Русскій народный поэтъ, онъ имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ пантеонѣ всѣхъ временъ и народовъ. На произведеніяхъ его зрѣлой поры лежитъ печать совершенства. Это міръ творчества, самородный и самобытный, какъ по веществу, такъ по образу.

Онъ рано почувствовалъ свое призваніе. Еще въ дѣтствѣ мечталъ онъ о высотѣ, куда влекла его невѣдомая сила. Въ лепетѣ пятнадцатилѣтняго мальчика уже слышится предчувствіе нерукотворнаго памятника, на которомъ успокоился его духъ предъ концомъ земного поприща. Отъ дѣтскаго лепета до строгой и величавой думы на краю могилы протекло лишь двадцать два года.

Мы чествуемъ въ Пушкинѣ даръ Божій; но должны чествовать въ немъ и человѣка, за то, что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ воспитанія и среды, не заглушилъ въ себѣ Божьяго дара и не солгалъ предъ своимъ призваніемъ. Какъ и всѣ въ то время, онъ учился «чему-нибудь и какъ-нибудь». Изъ своего воспитанія онъ вынесъ только знаніе французскаго

языка, безтолковую начитанность во французскихъ авторахъ прошлаго вѣка, наполнявшихъ библіотеку отца, да еще сказки своей няни. Онъ самъ изобразилъ намъ ничтожество среды, которая потомъ держала его въ своихъ оковахъ. Лишь одна была у него опора, одно спасеніе—его божественный даръ, его геній, который питалъ и направлялъ его, и былъ его карающею совѣстью, когда легкомысліе и грубая чувственность овладѣли его воображеніемъ. Совѣсть художника спасала въ немъ и человѣка. Онъ обязанъ ей перлами своей поэзіи, и она же поднимала его нравственно. Онъ глубоко чувствовалъ двойство въ себѣ,—и свое ничтожество и высоту своего дара,—и правдивый стихъ его запечатлѣлъ это чувство. Въ тѣ минуты когда «божественный глаголъ» касался его чуткаго слуха, совершалось его воспитаніе и созрѣваніе, и онъ, со своего Синая возвращался каждый разъ съ новыми лучшими силами. Мысль его возвышалась и умудрялась; душа освобождалась отъ оковъ «хладнаго сна». Божественный гость его души, будившій ее мгновенными посѣщеніями, наконецъ водворился въ ней хозяиномъ. Только природныя черты напоминаютъ въ его музѣ прежнюю рѣзвую вакханку. Одухотворенный ликъ ея прекрасенъ, но задумчивъ и важенъ. Съ поэтомъ какъ бы наяву совершилось то, что онъ повѣствуетъ яркими библейскими образами въ своемъ «Пророкѣ». Серафимъ «перстами легкими какъ сонъ» коснулся его зѣницъ и слуха. Предъ его мысленнымъ взоромъ раскрылись глубины человѣческаго сердца, и нѣтъ высоты, на которую не восходилъ бы его созерцающій умъ. Онъ слышалъ:

И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ...

Но онъ до конца оставался вѣренъ особенности своего дара. Онъ не берется не за свое, онъ не фи-

лософствуетъ, не проповѣдуетъ. Его мудрость вся въ образахъ его ясновидѣнія. Все у него до безконечности индивидуально. У него нѣтъ общихъ мѣстъ, нѣтъ голословныхъ мыслей, которыя пріискиваютъ себѣ приличную форму. Все у него какъ у истиннаго художника, идетъ снизу вверхъ и находитъ свою идею въ своемъ внутреннемъ просвѣтленіи. Все у него пережито въ сердцѣ или въ воображеніи, и все говоритъ прямо живому чувству.

Но чѣмъ выше поднимался его геній, чѣмъ зрѣлѣе становилась его муза, тѣмъ менѣе сочувствія находилъ онъ въ окружающей средѣ. Славу ему между современниками доставили его молодыя произведенія, но уже начиная съ «Полтавы» Пушкинъ падалъ въ ихъ мнѣніи. «Борисъ Годуновъ» былъ оцѣненъ лишь немногими, и то отчасти, и наша критика не посмѣла ставить его на ряду съ произведеніями иностранныхъ мастеровъ. Восьмая пѣснь «Онѣгина» навлекла на него упреки даже философствующей критики послѣдующаго времени, которая осталась недовольна поэтомъ за то, что онъ не пустилъ свою героиню по всѣмъ по тремъ разнузданной страсти. Вся созданная изъ родныхъ намъ стихій, въ живой обстановкѣ уже уходящаго, уже ушедшаго быта, плоть отъ плоти нашей, типически русское, милое женское существо, съ искреннимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ, Татьяна не умѣла сдержать своихъ порывовъ предъ приличіями, но остановилась непреклонно предъ святынею долга. Критика вмѣнила эту черту въ вину поэту...

Какъ высоко, въ числѣ немногихъ, стоялъ этотъ человѣкъ, воспитанный своимъ геніемъ, надъ общимъ умственнымъ уровнемъ! Онъ чувствовалъ возраставшее охлажденіе къ нему публики, ему были досадны пересуды глупцовъ; но онъ ни разу не впалъ въ искушеніе и не унизилъ себя исканіемъ популярности. Онъ оставался въ одиночествѣ на своей высотѣ, не

смущаемый ни хвалами, ни бранью. Благо тому, кто испыталъ это священное одиночество! Благо тому, кто на высотѣ своего дѣла, при исполненіи своего долга, остается наединѣ со своею совѣстью! «Ты царь, живи одинъ», говорилъ себѣ Пушкинъ, и въ этомъ не гордость сказалась, но покорность высшему, что́ есть въ человѣкѣ, тому божественному, что́ слышится во глубинѣ человѣческой совѣсти, при какомъ бы то ни было дѣлѣ. Да будетъ и въ этомъ нашъ великій писатель руководящимъ образцомъ и для нынѣшняго и для будущихъ поколѣній! Кто не испыталъ этого высокаго чувства независимости мысли не покорной ничему кромѣ долга, тотъ не знаетъ лучшаго, что̀ дано испытать человѣку и чего не можетъ замѣнить никакое опьяненіе тщеславія. Кто не ищетъ любви народной, какъ Пушкинъ («поэтъ, не дорожи любовію народной»), кто остается послушенъ лишь велѣнію Бога («Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна»), тотъ только пріобрѣтаетъ право на истинную любовь народную.

Только то дѣло и прочно, и свѣжо, и плодотворно, которое задумано и исполнено человѣкомъ наединѣ со своею совѣстію.

Не изъ среды, которою Пушкинъ былъ окруженъ, но изъ своихъ вдохновеній вынесъ онъ и глубокое народное русское чувство, и свой историческій смыслъ, и свою вѣру въ назначеніе Русскаго народа. Въ поэзіи Пушкина найдемъ мы источники чистѣйшаго патріотизма. Его «Полтава», его «Борисъ Годуновъ», съ сыновнимъ чувствомъ посвященный имъ памяти Карамзина, впервые раскрывшаго книгу нашего прошедшаго, всѣ обращенія Пушкина къ Петру Великому, его обращеніе «Къ клеветникамъ Россіи», его мощный диѳирамбъ на Бородинскую годовщину, свидѣтельствуетъ о глубинѣ его народнаго чувства и о силѣ его патріотизма просвѣщеннаго и возвышеннаго. Пушкинъ не былъ ни публицистомъ, ни ораторомъ, да

такихъ людей въ тѣ времена и не водилось на Руси; но прочтите строки, которыя выше нами поставлены, прочтите его отповѣдь враждебной намъ Европѣ. Эти патріотическія пѣснопѣнія вызваны событіями 1831 года и относятся къ вопросу величайшей для Россіи важности.

Не говоримъ: какая сила слова, но какая сила гражданскаго чувства и ясность политическаго разума! Протекло тридцать лѣтъ, и возникъ тотъ же вопросъ,— но въ какомъ состояніи застигнута имъ наша литература, которая тогда получила уже голосъ и пустилась въ политику? Наша литература занималась тогда поруганіемъ и самого Пушкина, и всего, что̀ дорого русскому чувству и просвѣщенному уму; она старалась превзойти самихъ враговъ нашихъ въ клеветѣ на свою страну...

У насъ теперь все толкуютъ о политическихъ партіяхъ. Не принадлежалъ ли и Пушкинъ къ какой-либо партіи? Да, принадлежалъ. Воздавая хвалу Петру Великому, Пушкинъ цѣнилъ въ Преобразователѣ особенно то, что онъ не презиралъ своей страны и вѣрилъ въ ея предназначеніе... «Предназначеніе Русскаго народа», это сказано Пушкинымъ:

Самодержавною рукой
Онъ (Петръ) смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

Кто изъ этихъ словъ не узнаетъ партіи, къ которой принадлежалъ Пушкинъ? Онъ принадлежалъ къ Русской партіи. Самое слово Русская партія есть слово Пушкина. Передавая въ своемъ «Современникѣ», записки Моро де-Бразе, иностранца, служившаго въ войскахъ Петра Великаго, Пушкинъ останавливался на сѣтованіи этого авантюриста, который упрекалъ рус-

скаго царя въ пристрастіи къ Русскимъ, и дѣлаетъ такое примѣчаніе:

«Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи Русской».

Смерть постигла Пушкина на высотѣ его творчества, въ полнотѣ его силъ. Жизнь его не кончилась: она была прервана, какъ прерывается музыка, когда порвется струна.

Возблагодаримъ Бога за то, что было намъ дано въ немъ и не будемъ роптать на его преждевременный конецъ, не будемъ напрягать мечту гаданьемъ, что могъ бы еще создать его геній. Намъ есть чѣмъ довольствоваться и не выходя изъ предѣловъ даннаго. Судьба нашего поэта прообразовательно сказалась и въ самомъ характерѣ его творчества. Многія изъ его превосходнѣйшихъ произведеній имѣютъ видъ какъ бы прерваннаго развитія, хотя каждое представляетъ собою цѣльный моментъ. Въ этой характеристической чертѣ выразилась быть можетъ особенность Пушкинскаго генія. Онъ не выводитъ одно изъ другого; онъ изображаетъ во всей художественной правдѣ отдѣльный моментъ не переходя изъ него въ другой. Даже обширнѣйшія и наиболѣе цѣльныя произведенія Пушкина представляютъ собою рядъ отдѣльныхъ моментовъ, слѣдующихъ не столько одинъ изъ другого, сколько одинъ за другимъ. Но за то какая цѣльность и доконченность изображенія въ самыхъ на видъ отрывочныхъ произведеніяхъ!

Пушкинъ палъ въ бою чести, жертвой свѣтскихъ интригъ. Когда онъ палъ сраженный на смерть, еще страсть кипѣла въ немъ и рука искала противника. Но вскорѣ спокойствіе водворилось въ его душѣ. Два дня предсмертныхъ страданій были его духовнымъ торжествомъ. Разсказы очевидцевъ, заслуживающихъ

полнаго довѣрія, какъ Жуковскій, Даль и другіе, свидѣтельствуютъ всѣми подробностями о нравственной высотѣ человѣка. Испытаніе смерти оправдало и объяснило его. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, со всѣми примиренный и всѣмъ простившій. Его послѣднія минуты открыли для всѣхъ тайну того великаго, что всѣми въ немъ чувствовалось, и за что его нынѣ чествуютъ.

---

6 іюня 1880 года на обѣдѣ, данномъ въ Благородномъ Собраніи московскимъ городскимъ обществомъ депутаціямъ, прибывшимъ на открытіе памятника Пушкина, по приглашенію и полномочію представителей города Москвы, М. Н. Катковъ сказалъ слѣдующія слова:

«Почти наканунѣ нынѣшняго торжества открылось въ Петербургѣ Общество, которое поставило себѣ задачей изыскивать способы, какъ бы предотвратить злую необходимость войны и водворить миръ на землѣ. Отдадимъ справедливость по крайней мѣрѣ добрымъ намѣреніямъ. Пожелаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ подолѣе длилось то состояніе перемирія, въ которомъ державы находятся отъ войны до войны.

«Это случайное совпаденіе да послужитъ добрымъ знаменіемъ на праздникѣ мира, который оживилъ нашу Москву и привлекъ въ нее столько гостей.

«Если на полѣ битвы и смертельные враги, стоя въ одномъ ряду противъ общаго непріятеля, чувствуютъ заодно, мыслятъ согласно и дѣйствуютъ дружно, то неужели не должно имѣть такую же силу дѣло мирнаго торжества? Неужели общій непріятель можетъ лучше единить и дружить людей, чѣмъ предметъ ихъ общей любви и общаго чествованія?

«На праздникѣ Пушкина, передъ его памятникомъ, собрались лица разныхъ мнѣній, можетъ быть несо-

гласныхъ, можетъ быть неприязненныхъ. Вѣрно однако то, что всѣ собрались добровольно, стало-быть съ искреннимъ желаніемъ почтить дорогую всѣмъ память.

«Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина, и надѣюсь, что мое искреннее слово будетъ принято въ добромъ смыслѣ всѣми, всѣми безъ исключенія. Кто бы ни были, и откуда бы не пришли, и какъ бы мы не разнились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ, мы всѣ, я надѣюсь, единомышленники и союзники. И кто знаетъ, быть можетъ это минутное сближеніе послужитъ для многихъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ, къ смягченію вражды между враждующими.

«Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ, люди, такъ же искренно желающіе добра, какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникъ Пушкина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія составляютъ силу очень серіозную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается человѣческими слабостями, и изъ нихъ есть одна, которая особенно плодитъ недоразумѣнія и вноситъ отраву во взаимныя отношенія людей.

«Всякій любитъ хорошее. Всякому пріятно чувствовать хорошее въ себѣ. Это очень естественно, но тутъ кроется опасность. Мы пріучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное не любить въ другихъ. Благодатный миръ водворился бы на землѣ, если бы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть въ себѣ.

«Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, будемъ только надѣяться, что сила свѣта возьметъ свое, и что все шире и шире будетъ становиться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться мирно и даже дружно.

«Но на торжествѣ, которое Москва даетъ своимъ гостямъ, собравшимся чествовать Пушкина, слѣдуетъ дать слово самому виновнику торжества. Пусть самъ Пушкинъ провозгласитъ свой тостъ, на который никто не можетъ не откликнуться:

„Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ.
Ты, солнце, святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума,
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!“

